

Светлана ГОРШЕНИНА

**КРУПНЕЙШИЕ ПРОЕКТЫ КОЛОНИАЛЬНЫХ
АРХИВОВ РОССИИ:
УТОПИЧНОСТЬ ТОТАЛЬНОЙ *ТУРКЕСТАНИКИ*
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
КОНСТАНТИНА ПЕТРОВИЧА фон КАУФМАНА***

Введение

Многие военные, чиновники и интеллектуалы царской России надеялись окончательно придать своему отечеству статус полноценной европейской державы в результате продвижения империи в глубь Средней Азии. Вне зависимости от политических пристрастий все желали видеть Россию “Европой” в Азии, но в значительно “улучшенном” по сравнению с другими западными державами варианте, что казалось возможным благодаря особенностям национального развития России и Средней Азии. Г. Ф. Федоров, начавший свою службу при первом туркестанском генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане и дослужившийся до управляющего канцелярией генерал-губернатора при Н. А. Ивано-

* Моя искренняя признательность за высказанные наблюдения при чтении первой версии этой статьи адресуется Сергею Абашину, Борису Чуховичу, Клоду Рапэну, Алессандро Станциани и анонимному рецензенту *Ab Imperio*.

ве, был одним из тех, кто формировал устойчивый риторический штамп российского проникновения в регион. В своих воспоминаниях он писал:

Заняв с боя какую-либо страну, русский отряд делается тотчас другом населения, [которое] на каждом шагу убеждается в мягкой, гуманной и беспристрастной политике русских и в честном и легальном отношении к побежденным. ...Россия вносила с собой спокойствие, неприкосновенность религии, нравов, обычаев и народного суда. Она обеспечивала имущество побежденных, труд их, регулировала и по возможности уменьшала налоги, часто в ущерб собственным интересам, давала народу массу заработков и при всем этом, не ломая вековых традиций населения..., исподволь распространяла в народе начатки цивилизации и прогресса.¹

Это “привнесение европейской цивилизации и прогресса” “отсталым” среднеазиатским народам, риторически выраженное в соответствии с общеевропейскими правилами легитимизации колониальных завоеваний, навязывало туркестанской администрации определенные модели поведения, уже апробированные Европой. Как и другие империалистические мероприятия, *культуртрегерство*² являлось весьма

¹ Г. Ф. Федоров. Моя служба в Туркестане // Исторический вестник. 1913. No. СХХХIV (134). С. 47-50. Другие примеры этой позиции и ее анализ см.: Н. Данилевский. Россия и Европа, взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 5 изд. Санкт-Петербург, 1895; В. Ламанский. Три мира азиатско-европейского материка. Санкт-Петербург, 1892; Ф. М. Достоевский. Геок-тепе. Что такое для нас Азия? // Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Ленинград, 1984. Т. 27; Nicholas V. Riasanovsky. Asia through Russian Eyes // W. S. Vucinich (Ed.). Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asia Peoples. Stanford, Cal., 1972. Pp. 3-29; Marc Raeff. Un empire comme les autres? // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1989. Vol. 30. No. 3-4. Pp. 321-328; Milan Hauner. What is Asia to us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. London, New York, 1992; David Schimmelpenninck van der Oye. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, Ill., 2001; Marlène Laruelle. Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du XIXe siècle. Paris, 2005; Alexander Morrison. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India, c. 1860-1917 // Slavonic and East European Review. 2006. Vol. 84. No. 4. Pp. 669-673; Jeff Sahadeo. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington, 2007, etc.

² См., в частности, исследование, посвященное этому аспекту российского присутствия в Средней Азии. В работе используется термин *культуртрегерство*, однако под ним подразумеваются почти исключительно реформы в области просвещения: Serge A. Zenkovsky. Kulturkampf in Pre-Revolutionary Central Asia // American Slavic and East European Review. 1955. Vol. 14. No. 1. Pp. 15-41.

двусмысленным явлением.³ “Плоды цивилизации” распространялись не бескорыстно, а в рамках стандартной программы колониальной эксплуатации региона, которая включала строительство железных дорог, ирригационные работы, внедрение архитектурных новшеств, отмену рабства, распространение системы образования в виде русско-туземных школ, создание библиотек, музеев и научных обществ, реформирование судебной системы и т.д. Как показывают исследования последних лет, все эти новшества соответствовали политическим и экономическим целям российского государства и элит, для которых благо местного населения не являлось определяющим мотивом.⁴ Несмотря на то, что споры о характере русского присутствия в

³ Claude Liauzu. Colonisation: droit d'inventaire. Paris, 2004. P. 296.

⁴ Среди последних публикаций, затрагивающих эту сторону колониальной ситуации в царском Туркестане, см. помимо работ, упомянутых в первой сноске: Kalpana Sahni. Crucifying the Orient: Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. Bangkok, 1997; Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini (Eds.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington, Ind., 1997; Adeeb Khalid. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998; Robert P. Geraci. Window on the East: National and Imperial Identity in Late Tsarist Russia. Ithaca, 2001; Virginia Martin. Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond, UK, 2001; Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky (Eds.). Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia, Ithaca, 2001; Allen J. Frank. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780-1910. Leiden, Boston, 2001; Brian Silverstein. Discipline, Knowledge and Imperial Power in Central Asia. 19th Century Notes for a Genealogy of Social Forms // Central Asian Survey. 2002. Vol. 21. No. 1. Pp. 91-105; Daniel R. Brower. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London and New York, 2003; Steven Sabol. Russian Colonization and the Genesis of Kazakh National Consciousness. London, 2003; Paul Georg Geiss. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. London, New York, 2003; Aftandil Erkinov. Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian-Dominated Khiva and Tsarist Turkestan. Berlin, 2004; Beat Eschment and Hans Harder (Eds.). Looking at the Coloniser. Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas. Berlin, 2004; Willard Sunderland. Taming the Wild Field, Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, NY, 2004; Paolo Sartori. Altro che seta. Corano e progresso in Turkestan (1865-1917). Pasian di Prato (UD), 2003; Svetlana Gorshenina. Le destin des Tartares: de la Tartarie des cosmographes à l'Asie centrale du monde moderne. Paris-Genève, 2008; Svetlana Gorshenina et Sergej Abashin. Turkestan russe: une colonie pas comme les autres? Paris, в печати.

⁵ См. историографический и методологический анализ дискуссий о российском колониальном Туркестане: Светлана Горшенина. Извечна ли маргинальность русского

Средней Азии до сих пор не утратили своей актуальности,⁵ амбивалентность этих типичных для колониального контекста акций обнаруживает себя и на примере колониальных архивов русского Туркестана.

Термин “колониальные архивы” используется в данной статье в том смысле, в котором он был сформулирован Бернардом С. Коном (*Bernard S. Cohn*, 1928-2003). Рассматривая различные модальности присвоения региона, как-то: *Historiographic, Survey, Enumerative, Surveillance* и *Observational / Travel Modalities*, – он показал механизмы реализации взаимосвязанных формул “знание есть власть” и “завоевание Индии есть не что иное, как завоевание знания” (речь идет не о присвоении знаний, выработанных в самой Индии на протяжении всей ее истории, а о “производстве” новых знаний о регионе с позиций и в интересах чуждых региону властных структур). Говоря о колониальных архивах, Кон подразумевал под ними созданную англичанами интеллектуальную и художественную продукцию об Индии в самом широком смысле, т.е. научные исследования, художественную литературу, искусство, архитектуру, архивные, музейные и библиотечные собрания. Формируя взаимозависимые и взаимоукрепляющие системы знания, эта продукция способствовала установлению, поддержанию и международной легитимизации колониального режима в британских владениях.⁶

Настоящая статья является попыткой приложить идеи, отработанные Коном на примере британской Индии, к колониальным архивам русского Туркестана. Обращаясь к анализу документации, находящейся по сей день на территории Средней Азии,⁷ в статье сравниваются четыре типа колониальных архивов: коллекции опубликованных материалов, подлинных документов и фотографий – Тур-

колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область *post*-исследований // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 209-258.

⁵ Bernard S. Cohn. *Colonialism and its Forms of Knowledge: The British in India*. Princeton, NJ, 1996. См. также рецензию на эту книгу: Roger Knight. *Colonialism and Its Forms of Knowledge* // *Postcolonial Studies*. 1998. Vol. 1. No. 3. Pp. 435-440. О возможности приложения постколониальных методик исследования “ориентализма” к российскому опыту см. С. Горшенина. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана. С. 217-224.

⁷ Эти архивы в целом изучены гораздо меньше, чем материалы петербургских и московских хранилищ. Более того, в последние два года доступ к ним практически закрыт для западных исследователей.

туркестанский сборник В. И. Межова и *Туркестанский альбом* А. Л. Куна; собрание текущей документации туркестанского генерал-губернаторства; сборник *Туркестанский край* А. Г. Серебренникова.⁸ Будущие далеко не однопорядковыми явлениями “колониального знания”, отделенные друг от друга по времени и отличные по задачам, эти коллекции дают возможность проанализировать четыре различных аспекта российской колонизации Средней Азии с их собственными языками “колонизации” и способами демаркации колониальных объектов. В первом случае мы имеем дело с обширным проектом каталогизации всего ансамбля рационального знания о регионе, созданного представителями западного и российского “миров”. Во втором – со строительством репрезентативно-глянцевого экспортного образа русского Туркестана усилиями колониальной администрации. В третьем – с практически монологичным документальным отражением системы военно-народного управления. Наконец, в последнем – с исторической реконструкцией первых этапов завоевания Средней Азии. Сравнение этих ансамблей позволяет рельефнее реконструировать особенности колониальной ситуации русского Туркестана и проследить через историю их создания отдельные элементы функционирования технологий власти и конструирования ангажированного знания в российском имперском контексте. Вместе с тем, мы попытаемся ответить на вопрос, почему эти архивы должны классифицироваться как “колониальные” и как современным исследователям следует их оценивать.

⁸ История других колониальных архивов русского Туркестана частично изучена в работах, посвященных историям частного коллекционирования, археологическим исследованиям, путешествиям и первым туркестанским выставкам: Svetlana Gorshenina. *Premiers pas des archéologues russes et français dans le Turkestan russe (1870-1890): méthodes de recherche et destin des collections* // *Cahiers du Monde Russe*. 1999. Vol. 40. No. 3. Pp. 365-384; Eadem et Claude Rapin. *Les archéologues en Asie centrale: de Kaboul à Samarcande*. Paris, 2001; Eadem. *Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart*. Genève, 2003; Eadem. *Private Collections of Russian Turkestan in the 2nd Half of the 19th and Early 20th Century* // ANOR-15. Berlin, 2004; Eadem. *Construction d'une image "savante" du Turkestan russe lors des premières expositions "coloniales" russe: analyse d'une technologie culturelle du pouvoir* // Svetlana Gorshenina et Sergej Abashin. *Turkestan russe: une colonie pas comme les autres?* Помимо этого, история создания визуальных архивов русского Туркестана находится в центре внимания готовящейся книги *Construction du Turkestan russe dans les arts visuels*.

I. “Туркестанский сборник” Владимира Измайловича Межова (1867-1916)

Мотивы создания беспрецедентной компиляции

Соседство со Средней Азией, несмотря на большие расстояния, отделяющие Россию от мира степей и туранских оазисов, обусловило частые контакты между отдельными представителями торговой, военной и дипломатической элит российской империи и среднеазиатских ханств. История этих контактов восходит к XVIII веку и более раннему времени.⁹ Именно географическим соседством объясняются многие важные географические открытия в “сердце Азии”, которые изменили ее картографический образ.¹⁰ Однако континентальная протяженность Евразии не гарантировала близкого знакомства с регионом не только широкой публики, но и российских чиновников, отправлявшихся на службу в Туркестан.

Прибыв в Ташкент в 1867 году, первый туркестанский генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман (1818-1882; генерал-губернатор Туркестана с 1867 по 1882 годы) констатировал пугающие масштабы незнания региона первыми российскими поселенцами, а также сложность пополнения этих лакунов на месте. Подготовка обзора по любому актуальному для администрации вопросу в Ташкенте оказывалась невозможной из-за полного отсутствия во вновь созданном генерал-губернаторстве даже некоего подобия библиотеки и периоди-

⁹ Н. Веселовский. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях: По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. Санкт-Петербург, 1884; В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России [1911] // Сочинения. Москва, 1977. Т. 9. С. 199-482; О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию (Материалы к библиографии). 4 т. Ташкент, 1955-1971; Paul Pelliot. Notes on Marco Polo. 3 vols. Paris, 1959-1973; Catherine Poujol. La Russie et l'Asie centrale: voyage et expédition de 1714 à 1840 / Thèse de doctorat de IIIe cycle. Paris, 1985; Scott C. Levi. India, Russia and the Eighteenth-Century Transformation of the Central Asian Caravan Trade // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1999. Vol. 42. No. 4. Pp. 519-548; John Block Friedman and Kristen Mossler Figg (Eds.). Trade, Travel, and Exploration in the Middle Ages: an Encyclopedia. New York & London, 2000.

¹⁰ Л. Багров. История русской картографии. Москва, 2005; Книга Большому чертежу / Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. Москва, Ленинград, 1950; В. Н. Федчина. Как создавалась карта Средней Азии. Москва, 1967; А. В. Постников. Карты земель российских: очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. Москва, 1996; Svetlana Gorshenina. Le destin des Tartares.

ческих информационно-аналитических изданий, не говоря уже о типографии, способной издавать подобную продукцию (открытие типографии пришлось дожидаться вплоть до 1872 года).¹¹ Как и другие европейские колониальные администраторы задолго до него, К. П. фон Кауфман хорошо понимал зависимость имперского управления и реализации планов “распространения западной цивилизации” от наличия в Ташкенте собрания западных знаний о регионе.

Ключевые мотивы активной книгособирательской деятельности К. П. фон Кауфмана, проектировавшего установление “рационального” по примеру британской Индии управления новым краем, ясно прочитываются в ранних справках по истории ташкентской библиотеки. Согласно рапорту 1882 года, целью организации “европейской библиотеки” в Ташкенте было “насаждение между жителями мусульманского Востока начал европейской гражданственности и цивилизации”,¹² а также “удовлетворение умственных потребностей [русского] общества” Ташкента, состоявшего из “служащих гражданского и военного ведомств и торгового сословия”.¹³ Сущность другой, менее идеологизированной, но более актуальной для российских администраторов и поселенцев составляющей этого “просвещенного” проекта была подчеркнута путешественником Дмитрием Логофетом (1865-1922):

Завоевание русскими войсками наших теперешних среднеазиатских владений и малая осведомленность о Средней Азии вообще и о Туркестанском крае в частности вызвала с самого начала их присоединения необходимость систематического изучения этих новых и совершенно для нас неизвестных стран, а особенности уклада мусульманской жизни понудили собрать все издания, касающиеся Туркестана и сопредельных с ним стран.¹⁴

¹¹ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. Краевое управление. Санкт-Петербург, 1910. С. 215.

¹² Рапорт (а вернее, записка в Ташкентскую городскую Думу) был составлен в 1882 году в ответ на приказ М. Г. Черняева о ее закрытии Ташкентской библиотеки. Записку подписали 12 членов комитета, предложивших передать библиотеку городу. Записка содержала также краткую историю этого учреждения: Максимо-вич. Ташкент (От нашего корреспондента) (Новости. 1886. № 10) // Туркестанский сборник. Санкт-Петербург, 1883. Т. 389. С. 37.

¹³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. 1. Оп. 16. Д. 2414. Л. 6.

¹⁴ Д. Н. Логофет. Туркестанский сборник и его значение (Туркестанские ведомости. 1908. № 271) // Туркестанский сборник. Ташкент, 1907. Т. 495. С. 180. В этой и

Как позже писал граф Константин Константинович Пален (1861-1923) в своем 19-томном докладе о результатах ревизии Туркестана 1908-1909 годов,

признав существенно важным основать в центрально-административном, торговом, промышленном и учебно-воспитательном пункте русских среднеазиатских владений общественную библиотеку и предположив осуществить это мероприятие на средства края, при материальном содействии со стороны учреждений и лиц, служащих просвещению России, Генерал-адъютант Кауфман в августе 1867 года обратился с письмами к Министру народного просвещения, Вице-Президенту Академии наук, Директору Императорской публичной библиотеки, Президенту Императорского русского географического общества и Начальнику Главного штаба с просьбой о книжных пожертвованиях Туркестанскому краю.¹⁵

В дополнение к этому вновь назначенный генерал-губернатор обращался к библиографу Владимиру Измайловичу Межову (1830-1894), работавшему с 1851 года в Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге.¹⁶ Межов был широко известен в России и за ее пределами своими библиографическими указателями по географии, этнологии, археологии, правоведению и педагогике, которые он начал собирать с 1859 года как энциклопедические и универсальные по характеру пособия (в частности, большой известностью пользовалась его *Сибирская библиография*).¹⁷ Фон Кауфман просил Межова составить для него библиографический указатель публикаций о Средней Азии,¹⁸ возмож-

во всех последующих цитатах орфография приведена в соответствие с нормами современного русского языка.

¹⁵ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. С. 219-220. См. также: ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2414. Л. 6.

¹⁶ См. биографию В. И. Межова: З. Л. Фрадкина. В. И. Межов (1830-1894) / Под ред. проф. А. Д. Эхенгольца. Москва, 1949 (о *Туркестанском сборнике*: С. 29-32); А. Г. Касьмова. Туркестанский сборник. Ташкент, 1985. С. 14-31. Е. К. Бетгер называет 1831 год как дату рождения В. И. Межова: Е. К. Бетгер. Новые материалы о "Туркестанском сборнике" // Известия Академии наук УзССР. 1953. №. 3. С. 123.

¹⁷ А. Г. Касьмова. Туркестанский сборник. С. 16.

¹⁸ Судя по всему, уже существовавшая к этому времени первая подобная библиография В. В. Завьялова "Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель Средней Азии", изданная в 1852-1854 годах, не была востребована К. П. фон Кауфманом: О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитровский как библиографы Средней Азии. Машинопись, Ташкент, без даты // ЦГА РУз. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

но, надеясь впоследствии по мере необходимости обращаться в столичные или европейские книгохранилища с отдельными заказами или же с ходатайствами о пожертвованиях.

Однако В. И. Межов, реалистично оценив сложность подобной схемы работы для отдаленной колониальной администрации, предложил иной вариант:

[Когда] в 1867 году К. П. Кауфман обратился ко мне через посредство И. С. Идарова с предложением составить для него библиографические указатели книг и статей, относящихся к Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности, [то] при личном свидании с ним я представил, что один голый перечень заглавий при такой отдаленности Ташкента от столицы для него не будет иметь практического значения. Взамен этого я предложил ему составлять "Туркестанский сборник", в который входили бы самые книги и статьи.¹⁹

Согласно В. И. Межову *Туркестанский сборник* должен был включать в себя *все* публикации, вышедшие как в России, так и за границей, будь то газетные или журнальные статьи, разбросанные на страницах разнообразной, нередко труднодоступной периодики, или же целые книги, оригинальные или переводные, без выстраивания иерархий авторитетности или первичных/вторичных источников и без навязывания специально "русской перспективы". Такой план энциклопедической *Туркестаники* сильно отдавал гигантоманией. С точки зрения формы подобная каталогизация рационального знания о крае не являлась типичной для колониальных практик западных держав, "ограничивавшихся" созданием на завоеванных территориях "традиционных" библиотек, статистических и картографических сводов, коллекций всякого рода и регулярных обзоров в местной периодике. Именно так происходило дело в британской Индии, где издавались многочисленные *Survey* и периодические издания типа *The Times of India*, *The Englishman*, *Pioneer* [Lahore] и т.д. (отметим, что и эти более привычные формы структурирования имперского знания с успехом использовались в российском Туркестане). Однако по существу идея всеохватывающего сборника вполне соответствовала духу времени, ориентированного на идеалы Просвещения и на научные подходы

¹⁹ Письмо В. И. Межова к Н. О. фон Розенбаху от 18 апреля 1864 года // ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 47. Л. 221. Цит. по: А. Г. Касьмова. "Туркестанский сборник" // Советская библиография. Сборник статей и материалов. Москва, 1959. С. 71.

Линнея. В этом свете сведение всего разнообразия мира к нескольким тысячам статей в рамках универсальной *Энциклопедии* и/или размещение его отдельных элементов в строгих таблицах было лишь делом времени. Вне сомнений, утопичный библиографический проект В. И. Межова, несмотря на необычность формы, был созвучен империалистическим амбициям европейских держав, присвоивших себе в одностороннем порядке право на тотальную инвентаризацию завоеванных колоний и на пересмотр их границ и наименований.²⁰ Как и в большинстве европейских проектов рационального паноптикума доминируемого мира, субъект колониального знания – как он представлен в *Туркестанском сборнике* – многопланов. Работавший по заказу высшей колониальной администрации Туркестана российский библиограф из метрополии включал в него всех производителей знания о Туркестане, как российских и западных, так и “местных” среднеазиатских, при условии принятия ими языка европейской модерности и науки.

Для Межова, в 1866 году вышедшего в отставку, составление *Туркестанского сборника* стало не только средством к существованию,²¹ но и возможностью по-своему, с библиографической точки зрения, реализовать оригинальную библиографическую идею презентации *землеведения* одного региона.²² Концепция землеведения, *Erdkunde*, была сформулирована Александром фон Гумбольдтом (Alexandre von Humboldt, 1769-1859) и Карлом Риттером (Carl Ritter, 1779-1858) как

²⁰ Анализ идей Просвещения и их связь с последующим империалистическим восприятием мира см.: Tzvetan Todorov. *Nous et les Autres. La réflexion française sur la diversité humaine*. Paris, 1989; Henry Laurens. *Aux sources de l'orientalisme: la Bibliothèque orientale de Barthélemy d'Herbelot*. Paris, 1978; Idem. *Les origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte: l'orientalisme islamisant en France, (1698-1798)*. Istanbul, Paris, 1987; Claude Liauzu. *Colonisation: droit d'inventaire*. См. также интересный анализ технологий конструирования всеохватывающего имперского знания в британской Индии на примере картографии: Matthew H. Edney. *Mapping an Empire: The Geographic Construction of British India, 1765-1843*. Chicago and London, 1997.

²¹ В. И. Межов писал в письме к С. А. Венгеру: “Не имея никаких посторонних средств, ни службы, я живу собственно одним только библиографическим трудом и весьма часто нуждаюсь, тем более что от одной полочки денег до другой проходит иногда несколько месяцев”: А. Г. Касимова. *Туркестанский сборник*. С. 19-20.

²² В анонимной газетной заметке, автором которой, скорее всего, является Межов, *Туркестанский сборник* был определен именно как “попытка землеведения”. [В. И. Межов?]. О “Туркестанском сборнике”, составленном В. И. Межовым (Голос. 1878. № 56) // *Туркестанский сборник*. Санкт-Петербург, без даты. Т. 195. С. 110. В *Указателе к Туркестанскому сборнику*, составленном им самим, В. И. Межов значится как автор данной анонимной заметки.

форма тотального знания о географическом пространстве, предполагавшая описание его географических, геологических, климатических, природных, этнологических, экономических, культурных и прочих аспектов. Этот подход был чрезвычайно популярен среди российских интеллектуалов того времени, находившихся под сильным влиянием немецкой ориенталистики. Тем не менее планы создания *землеведения* Средней Азии на русском языке реализовывались медленно. Перевод многочисленных томов *Erdkunde Asiens* (1832-1833) Риттера под руководством Петра Петровича Семенова-Тяньшанского (1827-1914), который, к тому же, должен был сопровождаться дополнениями (что вытекало из самой концепции *Erdkunde* и усугублялось активными российскими исследованиями в Туркестане, результаты которых нередко входили в противоречие с текстом оригинала), растянулся на долгие годы.²³ Столь же непросто создавался энциклопедический словарь Средней Азии, задуманный Русским Императорским Географическим обществом на тех же методологических основаниях.²⁴ В этом контексте *Туркестанский сборник* Межова являлся своеобразным вызовом библиографа известным географам (Межов был тесно связан с ИРГО и нередко готовил для него текущие библиографические справочники²⁵), которых он надеялся обойти при участии К. П. фон Кауфмана.

Идея тотального знания, витавшая в воздухе, прельщала также и генерал-губернатора, который с первых дней своего пребывания в Тур-

²³ Первые тома перевода К. Риттера с дополнениями под названием *Землеведение Азии* были изданы П. П. Семеновым-Тяньшанским в 1856 и 1859 гг.; пятый том под редакцией В. В. Григорьева увидел свет только в 1895 г.: П. П. Семенов-Тяньшанский. *История полувековой деятельности императорского географического общества 1845-1895*. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1896. С. 91; В. А. Обручев. *Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии* // Idem. *Избранные работы по географии Азии*. Москва, 1951. С. 235; Б. А. Вальская. *Яков Владимирович Ханьков (1818-1862)* // *Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история*. Москва, 1971. Т. 10. С. 228; Milan Hauner. *What is Asia to Us?* P. 167; В. В. Бартольд. *История изучения Востока в Европе и России*. С. 352, 355.

²⁴ Б. А. Вальская. *Дискуссия в географическом обществе о русском словаре географической терминологии Я. В. Ханькова (1847)* // *Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история*. Москва, 1976. Т. 18. С. 242-268; Svetlana Gorshenina. *Le destin des Tartares*.

²⁵ В течение ряда лет работа В. И. Межова “Литература русской географии, статистики и этнографии за 1859-1880 гг.” публиковалась в качестве приложения к *Известиям Императорского Русского географического общества*: О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитровский как библиографы. Л. 10; А. Г. Касимова. *Туркестанский сборник*. С. 15-16.

кестане искал возможности представить наиболее полный образ края как его *raison d'être*. Например, Кауфман принимал самое деятельное участие в организации туркестанских выставок.²⁶ Создание полной библиографической коллекции могло способствовать увеличению его политических дивидендов: благодаря “усилиям русских исследователей при просвещенном содействии первого генерал-губернатора” неизведанный регион далекой Центральной Азии превращался в освоенный и изученный русский Туркестан. Актуальность подобной трансформации была очевидна для XIX века, когда изучение отдаленных азиатских регионов напоминало спортивное состязание между европейскими державами.²⁷

Возможно, что к принятию предложения Межова Кауфмана подтолкнуло знакомство со *Сборником статей, относящихся до Среднеазиатских ханств и Киргизских степей*. Этот сборник в 1840 – 1860-х годах подготовил для личного пользования чиновник кауфманской администрации, бывший управляющий Казенной палатой и переводчик С. А. Идаров. По словам библиографа Н. В. Дмитровского, семь томов сборника “составляли в то время единственный материал для ознакомления с краем”.²⁸ Версия о том, что именно сборник Идарова стал своеобразным, хотя и гораздо меньшим по масштабам, прототипом *Туркестанского сборника*, высказывалась еще советским библио-

²⁶ Svetlana Gorshenina. Construction d'une image “savante” du Turkestan russe.

²⁷ В доказательство последнего тезиса интересно привести выдержку из письма натуралиста Алексея Федченко к К. П. фон Кауфману от 9 февраля 1870 года. Прочитав в газетах о намерении англичанина Буарда (?) отправиться с исследованиями на Памир и “Балор”, Федченко писал, формулируя научные задачи с помощью геополитической риторики и умело играя на амбициях генерал-губернатора: “это [известие] меня опечалило; значит, самые любопытные географические открытия, какие осталось сделать в Средней Азии, будут сделаны не русскими. Между тем, от нас Памирское нагорье гораздо доступнее, чем со стороны Индии. В бытность мою в Ташкенте я имел честь изложить Вашему Высокопревосходительству план маленькой экспедиции единственно с целью научного исследования страны. Не изменилось ли с тех пор положение дел в этих областях настолько, чтобы можно было надеяться на исполнение этого плана?": ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 73. Л. 21-22об.

²⁸ Н. В. Дмитровский. Двадцатилетие Туркестанской публичной библиотеки // Туркестанские ведомости. 1895. № 34. Цит. по: Е. К. Бетгер. Новые материалы о “Туркестанском сборнике”. С. 123-124. Как писал Е. К. Бетгер, тома С. А. Идарова были составлены в систематическом порядке (Семиречье, Киргизская степь, Хива, Аральское море, Сырдарья), но, к сожалению, четвертый том был утрачен и из второго тома были вырваны две статьи, что уменьшило число собранных в этом сборнике публикаций до 84 статей: Ibid. С. 124.

графом Евгением Карловичем Бетгером. Она кажется вполне реалистичной, так как именно Идарову было поручено вести переговоры с Межовым.

При анализе рассуждений Межова, в которых слышны отзвуки его беседы с фон Кауфманом (несмотря на то, что их опубликованный вариант появился десятью годами позже²⁹), выясняются и другие мотивы реализации этого гигантского библиографического проекта. Так, одним из решающих соображений было стремление укрепить административный статус Туркестана, дав ему определенную независимость от метрополии на уровне выработки текущих административных решений, что мыслилось как гарантия более продуманной и адекватной политики:

“Сборник”, подобный настоящему, – писал В. И. Межов, – более чем необходим для края, который отделяют от нас несколько тысяч верст. Энциклопедия, в которой по возможности были бы собраны сочинения, касающиеся прошедших судеб края и разных сторон его общественной, административной и экономической жизни, должна быть настольной книгой для тех лиц, которым вверено управление края. ...Отделенный от своей метрополии несколькими тысячами верст и непроходимыми степями, Туркестанский край во многих вопросах своей внутренней экономической жизни должен руководствоваться собственными силами и соображениями. ...Почем знать, быть может, некоторые из статей, входящих в состав “Сборника”, и не только капитальных, но даже по-видимому ничтожных, могут кинуть новый свет на какой-нибудь административный и экономический вопрос.³⁰

Идеально соответствуя представлениям фон Кауфмана об “уникальности” Туркестана, задумка Межова позволяла трансформировать провинциальный Ташкент в центр сосредоточения информации о Средней Азии, что укрепляло довольно шаткие на первых порах позиции

²⁹ В. И. Межов. “Туркестанский сборник”. Систематический и азбучный указатели сочинений статей на русском и иностранных языках. Т. 1. Санкт-Петербург, 1878. С. V-VI. Этот текст с небольшими изменениями был опубликован ранее: Н. Вакуловский. “Туркестанский сборник”. Сост. В. И. Межов” (Санкт-Петербургские Ведомости. 1874. №. 157) // Туркестанский сборник. 1873. Т. 73. С. 229.

³⁰ В. И. Межов. “Туркестанский сборник”. Систематический и азбучный указатели. С. V-VI.

нового генерал-губернаторства.³¹ Межов уловил обеспокоенность фон Кауфмана, стремившегося защитить от критики собственное видение колониального управления Туркестаном:

...имея в моем сборнике под руками все, что в последние годы писали о Средней Азии и Туркестане, – писал Межов в письме фон Кауфману 13 мая 1869 года, – Вы будете иметь возможность печатно опровергать разные небылицы и часто умышленные искажения фактов тех лиц, которые писали с чужих слов или старались видеть предмет через призму своекорыстных видов и мелких личных интересов.³²

А в 1878 году, подводя первые итоги своей работы, Межов с гордостью констатировал эффективность этого оружия против критиков, муссировавших идею о “ненужности” и “чрезвычайной накладности” Туркестана для России:

Уже одно это количество печатного материала, появившегося в свет в течение последних 10 лет, достаточно ясно доказывает, настолько наше общество заинтересовано новоприобретенным краем. Из настоящего систематического указателя всякий увидит, что этот край был исследуем и описан во всевозможных отношениях и, быть может, известен нам более, чем, например, наши северные губернии или Сибирь, которые, однако же, принадлежат России несколько столетий.³³

³¹ David MacKenzie. Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration 1867-1881 // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. No. 2. Pp. 265-285; Idem. Expansion in Central Asia: St. Petersburg vs. the Turkestan Generals, 1863-1866 // *Canadian Slavic Studies*. 1969. Vol. 3. No. 2. Pp. 286-311; Idem. Turkestan's Significance to Russia (1850-1917) // *Russian Review*. 1974. Vol. 33. No. 2. Pp. 168-171; Frank G. Siscoe. Eugene Schuyler, General Kaufman, and Central Asia // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27. No. 1. Pp. 119-124 [ответ: David Mackenzie Pp. 124-130]; Г. Л. Дмитриев. Подготовка присоединения Средней Азии к России и центральная русская пресса // *Материалы по истории и археологии Средней Азии*. Научные труды ТашГУ. № 473. Ташкент, 1975. С. 38-50; Idem. К истории присоединения Ташкента к России (проблема “Ташкентского ханства” в материалах центральной русской прессы) // *Материалы по истории, историографии и археологии Средней Азии*. Научные труды ТашГУ. №. 482. Ташкент, 1976. С. 39-60; Idem. Деспеша Е. Скайлера и проблемы среднеазиатской политики царизма 70-х годов XIX века // *Материалы по истории, историографии и археологии Средней Азии*. Научные труды ТашГУ. № 517. Ташкент, 1976. С. 30-52.

³² Письмо В. И. Межова к К. П. фон Кауфману от 13 мая 1869: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 2157. Л. 3. Цит. по А. Г. Касымова. “Туркестанский сборник”. 1959. С. 72.

³³ В. И. Межов. “Туркестанский сборник”. Систематический и азбучный указатели. С. V-VI.

Помимо этого, Межов указывал, что собранная воедино информация будет способствовать более интенсивному развитию русского капитализма в Азии,³⁴

открыв нам среднеазиатские рынки для сбыта наших мануфактурных товаров. Быть может, недалеко и то время, когда наши караваны будут доходить до Индии и взамен наших мануфактурных произведений привезут нам сокровища Востока. Проведение железной дороги в недалеком будущем через наши среднеазиатские владения вплоть до самой Индии, для чего имеются многие проекты, еще более разовьет нашу торговлю... [Н]ашему обществу близки интересы новозавоеванных стран в Средней Азии, главная цель которых заключается не в увеличении территории, а в развитии и обеспечении нашей торговли со среднеазиатскими ханствами, а впоследствии, может быть, и с Индией.³⁵

Роль информации в этих грандиозных проектах развития русской коммерции на Востоке и последующего подчинения его русскому влиянию казалась Межову особенно важной на фоне разворачивавшейся “Большой Игры” по разделению сфер влияния в Средней Азии:

...англичане, повсюду ревниво охраняющие свои торговые интересы, зорко следят за каждым поступательным движением русских в глубь Средней Азии. Они посылают посольства и экспедиции к разным владетелям Средней Азии, заключают с ними союзы ввиду предвидения опасности со стороны России; они уже начали войну с Шир-Али из-за политического и торгового преобладания. В своей литературе они внимательно следят за всем, что выходит в свет по среднеазиатскому вопросу; составляют библиографические указатели и т.п. Будем ли мы дремать в это время? Литература среднеазиатского вопроса, заключающаяся в 200 томах “Туркестанского сборника”... отвечает категорическим отрицанием.³⁶

³⁴ Эта идея уже была высказана ранее Н. В. Здобновым в статье “Библиограф эпохи развития капитализма в России (В. И. Межов)”: “Мы видим [в Межове] поразительную энергию, широту библиографического кругозора и, что главное, беспримерную чуткость к запросам жизни; он принимал, сам выдвигая и разрабатывая, наиболее актуальные для развивающегося капитализма библиографические темы” (Цит. по: О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитриевский как библиографы. Л. 1). Ср.: “Задуманная Межовым коллекция литературы о Туркестанском крае имела чисто практическое назначение и была призвана обслуживать интересы российского капитализма”. З. Л. Фрадкина. В. И. Межов. С. 31.

³⁵ В. И. Межов. “Туркестанский сборник”. Систематический и азбучный указатели. С. V-VI.

³⁶ Ibid.

В этой информационной войне *Туркестанскому сборнику* отводилась еще одна роль: он должен был служить доказательством особого характера русского присутствия в Азии. Несмотря на то, что вычленение национальной перспективы не являлось целью Межова, “русскость” коллекции обуславливалась доминированием в ней российских источников, представлявших российское прочтение европейского присутствия в Средней Азии и подчеркивавших мессианскую роль “гуманных” русских колонистов в Туркестане, а также их приоритетный вклад в изучение и “просвещение” края (что легко объяснялось официальной закрытостью региона для западных путешественников).

Небезынтересно, что эти преимущественно экономические, административные, политические, геополитические или личные соображения были впоследствии, после смерти К. П. фон Кауфмана, дополнены аргументами гуманитарного характера. Как писал Д. Н. Логофет, один из первых составителей истории *Туркестанского сборника*,

выдвинутый [вскоре после завоевания] ряд вопросов о туркестанской окраине и её значении для государства способствовал появлению в повременных изданиях огромного количества статей, затрагивающих политическое и экономическое положение Туркестана, причем отсутствие специальных книг по Туркестану и сопредельных с ним стран ставило в необходимость для правильного освещения вопроса знакомиться с очень большим количеством материалов, разбросанных на страницах почти всех газет и журналов за большой период времени.

Тяжелый труд поиска нужной информации в море разнообразной периодики мог быть успешным, только если помимо детальных библиографических каталогов существовали бы идеальные библиотеки, содержащие *всю* упоминаемую в каталогах литературу.

Желание прийти на помощь ученым и исследователям и изменить это безвыходное положение было блестящим образом разрешено бывшим Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом, который, признавая необходимость в целях сохранения всех статей, касавшихся Средней Азии и сопредельных с ней стран, изъявил согласие на издание особого Туркестанского сборника, в который должны были войти все статьи, появляющиеся в периодической печати, и издания на русском и иностранных (преимущественно английском) языках.³⁷

³⁷ Д. Н. Логофет. *Туркестанский сборник и его значение*. С. 181.

Туркестанский сборник к началу XX века, бесспорно, превратился в один из кирпичиков нерукотворного памятника “устроителю края” генералу К. П. фон Кауфману и его “просвещенной” политике в Туркестане, а также и всему российскому присутствию в Средней Азии.

Создание “Туркестанского сборника”

И РЕЗОНАНС ЭТОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

Когда речь шла об имидже Туркестана и о подготовке инструментов для управления им, фон Кауфман, не скупясь, брал на себя все расходы.³⁸ Генерал-губернатор имел право “перемещать статьи сметы военно-народного управления, не выходя из общей суммы”, а также располагал “значительными экстраординарными кредитами”.³⁹ Однако чрезвычайная свобода в распоряжении финансами и частое использование “черной кассы” генерал-губернаторства регулярно навлекали на фон Кауфмана критику со стороны многочисленных ревизоров. Как позже писал сам Межов, за первые десять томов, которые он “в виде опыта” послал в Ташкент, фон Кауфман заплатил ему 1000 рублей:

Такое неожиданное и щедрое вознаграждение заставило меня усилить мои труды и в следующие годы, за тот же гонорар я послал от 20 до 30 томов. Наконец в последние годы управления Туркестанским краем К. П. Кауфманом я условился доставлять ему ежегодно от 40 до 50 томов за 1000 руб. вознаграждения.⁴⁰

В этом контексте вполне понятны слова Межова о том, что именно “благодаря просвещенному вниманию и участию” фон Кауфмана идея *Сборника* получила “фактическую возможность” быть реализованной, а потому посвящение всего труда первому туркестанскому генерал-губернатору было для библиографа само собой разумеющимся шагом.⁴¹

Фон Кауфман первоначально рассматривал этот сборник как свою личную собственность и хранил его у себя в резиденции (Белый дом)

³⁸ Так, в частности, в 1872 г. В. И. Межов получил 1000 рублей из доходов Зерафшанского округа: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 5138.

³⁹ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. С. 9. В своих воспоминаниях Г. Ф. Федоров пишет, что “К. П. фон Кауфман успел сделать много благодаря своей неутомимой энергии и имеющимся в его распоряжении крупным денежным средствам.” Г. Ф. Федоров. *Моя служба в Туркестане*. С. 33.

⁴⁰ Письмо В. И. Межова Н. О. фон Розенбаху от 18 апреля 1884 года: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 47. Л. 221. Цит. по А. Г. Касымова. “Туркестанский сборник”. С. 71.

⁴¹ Н. Вакуловский. “Туркестанский сборник”. Сост. В. И. Межов. С. 228; [В. И. Межов?]. О “Туркестанском сборнике”. С. 110.

как единственный существующий источник информации о вверенном ему крае.⁴² Выбор места хранения определялся и тем фактом, что прибытие первых томов *Туркестанского сборника* в Ташкент в 1868 году на два года опередило открытие Ташкентской публичной библиотеки, где впоследствии *Сборник* обрел свой постоянный “дом”.⁴³ В 1872 году фон Кауфман сообщал, что 41 том *Туркестанского сборника* уже поступил в библиотеку, служа “прекрасным материалом для желающих заниматься изучением Средней Азии”.⁴⁴ Библиотека тоже находилась в ведении главного начальника края, оплачивавшего на первых порах съем и содержание частной квартиры, где она располагалась.⁴⁵

Отметим, что через два года после появления первых томов *Туркестанского сборника* начали издаваться местные *Туркестанские ведомости* (первый номер вышел 28 апреля 1870 года, а всего за первый год издания было выпущено 17 номеров).⁴⁶ Подобно *Сборнику*, это информационное издание, утвержденное царем в 1869 году по представлению военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина (1816-1912; министр в 1861-1881), также должно было выражать специфичность Туркестана как колонии. Его издательская программа, в которой можно усмотреть отзвуки идей Межова, изначально задумывалась как

значительно отличающ[аяся] от общей программы губернских и областных ведомостей. Газета должна была сообщать правитель-

⁴² [В. И. Межов?]. О “Туркестанском сборнике”. С. 110.

⁴³ Согласно уже цитированной записке в Ташкентскую городскую Думу 1882 года на призыв о пожертвовании книг многие “откликнулись из России так сочувственно, что через пять лет по завоевании Ташкента явилась возможность открыть в нем европейскую библиотеку”: Максимович. Ташкент (От нашего корреспондента). С. 37. Всего же с момента обращения К. П. фон Кауфмана с призывом о пожертвовании книг в 1867 году до открытия библиотеки в 1870 году прошло два с половиной года. В течение этого периода пожертвованные книги собирались в кладовой при канцелярии генерал-губернатора и лишь в мае 1870 года первые 2200 томов, представляющих до 1200 названий (согласно архивным данным), стали доступны для широкой публики. Деньги на оборудование библиотеки в размере 216 руб. были выделены Кауфманом из “кредита на непредвиденные надобности”. Должность же заведующего публичной библиотекой была утверждена только в начале 1871 года: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 359. Л. 1; Ibid. Оп. 16. Д. 2414. Л. 7; Туркестанские ведомости. 1870. № 1, № 2; К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. С. 135, 220.

⁴⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 5138. Л. 1. А. Г. Касымова ошибочно называет 1876 год датой передачи К. П. фон Кауфманом *Туркестанского сборника* в ташкентскую библиотеку: А. Г. Касымова. “Туркестанский сборник”. 1959. С. 72.

⁴⁵ ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2414. Л. 7об.

⁴⁶ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. С. 134.

ственные и административные распоряжения, относящиеся до Туркестанского края, способствовать всестороннему изучению его и с этой целью помещать преимущественно научные статьи, касающиеся Туркестана. Политические и социальные вопросы внутренней России могли быть затрагиваемы лишь постольку, поскольку они касались интересов Туркестанского края.⁴⁷

Задуманные с этих позиций *Туркестанские ведомости* идеально дополняли *Туркестанский сборник* К. П. фон Кауфмана-В. И. Межова, ибо

главная задача [их] заключалась в том, чтобы быть органом административной власти в крае и распространять не только между лицами, служащими в крае, но и среди образованной русской публики по возможности верные, точные и подробные сведения о Туркестанском крае и сопредельных ханствах, о нравах и жизни туземцев, об их обычаях, общественном их устройстве, духовной деятельности, промышленности и торговли, наконец о жизни русского населения в крае и тех исключительных условиях, в которые поставлено это население.⁴⁸

Реализация проекта *Туркестанского сборника* отличалась методичностью. Безвыездно находясь в Санкт-Петербурге, Межов в течение 20 лет ежедневно просматривал массу отечественной и иностранной периодики и книг, выписываемых отовсюду, вырезал посвященные Средней Азии статьи, систематизировал их по возможности по темам и годам, наклеивал на листы писчей бумаги “в бумажные рамки”, составлял аннотации и брошюровал отдельными томами одинакового формата; титульный лист, предисловие и оглавление ко всем томам всегда печатались в типографии. Нередко в эти добротные переплетенные тома включались и целые книги.⁴⁹ За годы правления К. П. фон Кауфмана Межов успел подготовить 250 томов, которые при последующих генерал-губернаторах М. Г. Черняеве и Н. О. фон Розенбахе вплоть до момента временного прекращения издания в 1887 году были дополнены еще 166 томами. Всего же за время непрерывного двадцатилетнего издания *Туркестанского сборника* с 1867 по 1887 годы Межо-

⁴⁷ Ibid. С. 215.

⁴⁸ Ibid. С. 134.

⁴⁹ Н. Вакуловский. “Туркестанский сборник”. Сост. В. И. Межов. С. 229; А. С. “Туркестанский сборник” (Записки Восточного отделения Русского археографического общества. Т. 18. Санкт-Петербург, 1908. С. 0191-0193) // Туркестанский сборник. Т. 517. Ташкент, без года. С. 194.

вым было издано 416 томов, включающих в себя 4713 публикаций. Издание сопровождали 3 тома алфавитных и систематических указателей.⁵⁰

Уже на этом первом этапе формирования *Туркестанский сборник* воспринимался как “замечательное явление среди так называемых ‘*Unica*’ русской литературы”.⁵¹ Миф о тотальности собранных в этой энциклопедической компиляции сведений укреплялся от одной восторженной рецензии к другой:

Настоящее издание есть первая в этом роде удавшаяся попытка свести в одно целое литературу землеведения известной области нашего отечества; в состав этих объемистых, довольно изящно переплетенных томов... вошло все, что только писано когда-либо о Туркестанском крае;⁵²

...всякий интересующийся Средней Азией мог найти в Сборнике решительно все, что вышло из-под печатного станка, начиная с серьезных ученых статей на всех европейских языках и кончая мелкою газетною заметкой;⁵³ и т.д.

Сам Межов указывал на некоторые пробелы в своем труде, связывая их исключительно с неотзывчивостью местных издателей, которые порой даже не возвращали посланные им заранее деньги.⁵⁴ Помимо этого, писал он, в *Сборник* “не вошли статьи из *Туркестанских ведомостей*, за исключением тех, которые были перепечатаны в четырех томах *Ежегодника* Маева.”⁵⁵ Однако это не меняло позитивную тональность его оценки всего издания к 1878 году: “Впрочем, недостающих книг и статей в моем *Сборнике* весьма немного, едва ли десятая часть всего вышедшего в последний десятилетний период времени”. Правда, с определенной осторожностью Межов добавлял: “Я имею здесь в виду одну только русскую часть *Сборника*”.⁵⁶

Резкой критики в адрес его труда в первые годы комплектования *Туркестанского сборника* практически не было. Исключение представ-

⁵⁰ Указатель к 1-150 томам вышел в 1878 году, к 151-300 томам – в 1884 году и к 301-416 томам – в 1888 году.

⁵¹ [В. И. Межов?]. О “Туркестанском сборнике”. С. 110.

⁵² Н. Вакуловский. “Туркестанский сборник”. Сост. В. И. Межов. С. 228-229.

⁵³ Г. Ф. Федоров. Моя служба в Туркестане. С. 39.

⁵⁴ Н. Вакуловский. “Туркестанский сборник”. Сост. В. И. Межов. С. 228. Та же идея в несколько ином виде выражена в: В. И. Межов. “Туркестанский сборник”. Систематический и азбучный указатели (1878).

⁵⁵ В. И. Межов. Там же. С. V-VI.

⁵⁶ Там же.

лял лишь географ Иван Васильевич Мушкетов (1850-1902), писавший, что

к сожалению, г. Межов весьма невнимательно отнесся к своему поручению и выполнил его довольно небрежно. Так в Сборнике упомянуты нередко не имеющие никакого значения, мелкие заметки и рядом пропущены весьма важные статьи, не говоря уже об иностранных, но даже много русских. Но, несмотря на все недостатки, которые легко поправить, сборник Межова все-таки представляет довольно подробный свод литературы...⁵⁷

Таким образом признавалось, что *Туркестанский сборник* представлял собой минибиблиотеку и в этом качестве являлся безусловным украшением Ташкентской публичной библиотеки, которую востоковед В. В. Бартольд (1869-1930) оценивал как одно из наиболее полных на тот период собраний, содержащих “почти все известные тогда источники и пособия для изучения истории края, между прочим и подлинные сочинения восточных географов и историков...”,⁵⁸ а академик А. Ф. Миддендорф классифицировал как “образцовую, единственную в своем роде”.⁵⁹

Слава об удивительной коллекции дошла и до колониальной администрации британской Индии, глава которой лорд Керзон (Georg Nathaniel Curzon, 1859-1925) писал в 1889 году, очевидно путая *Туркестанский сборник* и Ташкентскую публичную библиотеку, что последняя представляет собой

лучшую коллекцию работ о Центральной Азии, опубликованных с 1867 года, которую только можно найти в мире. Не только книги и брошюры, но и все журнальные и газетные статьи были включены в эту коллекцию, что подталкивает меня думать, что и эти скромные страницы [моей книги] в один прекрасный день найдут там себе покой. Эта библиотека была в незначительной степени финансируема государством. Она была каталогизирована и систематизирована в хронологическом порядке господином В.Л. [неточность Керзона, читай В.И. – С.Г.] Межовым, который продолжает публиковать в Санкт-Петербурге серию томов под названием “Туркестанский сборник”, где каждое дополнение появ-

⁵⁷ И. В. Мушкетов. Туркестан. Санкт-Петербург, 1886. С. 180, сн. 1. Во втором издании “Туркестана” (1915) Мушкетова эта критика была опущена.

⁵⁸ В. В. Бартольд. Несколько слов о Туркестанской публичной библиотеке // Сочинения. Москва, 1977. Т. 9. С. 496.

⁵⁹ ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2414. Л. 7 об.

ляется строго аннотированным; это собрание представляет из себя наиболее полную библиографию по среднеазиатскому вопросу, что существует на сегодняшний день.⁶⁰

Межов был в курсе подобной оценки *Туркестанского сборника*. Не без гордости в предисловии к указателю 1884 года он писал о “подражании ему англичан в Индии”,⁶¹ “забывая”, что в этом мире зеркальных отражений, на которых строилась вся “Большая игра” по разделу Средней Азии, именно библиографические усилия англичан когда-то послужили моделью для его проекта.

Не останавливаясь более на оценке полноты энциклопедического труда Межова (этот аспект достаточно хорошо изучен⁶²), отметим, что уникальность этому собранию, помимо числа и характера собранных в нем публикаций, придавала и длительность их собирания. Несмотря на хронические финансовые затруднения туркестанского генерал-губернаторства и утопичность самого проекта, все более усугубляющуюся по мере нарастания объема печатной продукции о Средней Азии, *Туркестанский сборник* развивался. Даже с лакунами он представляет своеобразную хронику практически всего периода российского присутствия в Средней Азии в царское время. В деликатный момент, когда вскоре после смерти разбитого параличом фон Кауфмана,⁶³ в де-

кабре 1882 – январе 1883 годов, генерал-губернатор Михаил Григорьевич Черняев (1828-1898; генерал-губернатор в 1882-1884) временно закрыл Ташкентскую публичную библиотеку, *Туркестанский сборник* продолжал собираться в Санкт-Петербурге.

Его издание было прервано на 416 томе в июне 1887 года генерал-губернатором Николаем Оттовичем фон Розенбахом (1828-1901, генерал-губернатор в 1884-1888), который, согласно язвительным отзывам подчиненных, “о Туркестане знал меньше, чем о Зулуленде”.⁶⁴ Заново открыв Ташкентскую библиотеку, фон Розенбах разорвал контракт с Межовым, мотивируя свой жест отсутствием средств, уменьшением общих кредитов края⁶⁵ и... недостаточной полнотой *Туркестанского сборника*, ставившего под вопрос его библиографическую ценность. Последний аргумент фон Розенбах почерпнул из рапорта 1884 года, представленного инспектором ташкентских училищ Николаем Петровичем Остроумовым (1846-1930) и первым библиотекарем Ташкентской библиотеки и помощником редактора газеты *Туркестанские ведомости* Николаем Васильевичем Дмитриевским (1841-1910). В рапорте содержался анализ наличных томов *Сборника*. Констатируя ряд важных пробелов и чрезвычайно завышенную стоимость проекта, таш-

следующим образом: “Все сочинения по отделам среднеазиатскому и туркестанскому передать в ташкентский музей..., книги военно-научного и военно-исторического содержания передать в библиотеку от Штаба войск Туркестанского округа...; сочинения русских и иностранных классических писателей и издания общего характера отправить в распоряжение инспектора училищ на пополнение библиотек учебных заведений..., а все остальные издания и книги смешанного и праздного характера продать с публичного торга”. Распределение книг было поручено специальной комиссии из шести человек под руководством М. И. Бродовского, которым все же удалось сохранить периодические издания и оставшиеся нерозданные книги, включая “сочинения по Азии”, в одном помещении. Ташкентская библиотека начала восстанавливаться в 1883 году, в 1885 стали возвращаться розданные книги, а в 1886 году ее статус был узаконен вместе с существовавшим при ней музеем в “Положении об управлении Туркестанского края” 1886 года: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 359. Л. 30б. См. также историю закрытия Ташкентской библиотеки Черняевым: Максимович. Ташкент (От нашего корреспондента). С. 36-40; Г. Ф. Федоров. Моя служба в Туркестане. С. 439-440; О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитриевский как библиографы. Л. 22-23; ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2414. О самой библиотеке: В. В. Бартольд. Несколько слов о Туркестанской публичной библиотеке // Сочинения. Москва, 1977. Т. 9. С. 496-498.

⁶⁴ Г. Ф. Федоров. Моя служба в Туркестане. С. 442.

⁶⁵ Иван Зыков. Отчет Туркестанской публичной библиотеки и музея за 1907 год. Ташкент, 1908 // Туркестанский сборник. Т. 462. Ташкент, 1908. С. 185; Д. Н. Лофет. “Туркестанский сборник” и его значение. С. 182.

⁶⁰ George Nathaniel Marquis of Curzon. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question*. London, New York, 1889. P. 248.

⁶¹ А.С. Туркестанский сборник. С. 194.

⁶² Е. К. Бетгер в критическом разборе библиографической деятельности Межова указывал на ряд статей Н. В. Дмитриевского с анализом межовской “Библиографии Азии”, а также упоминал рукопись Н. В. Дмитриевского “Указатель статей о Средней Азии, не попавших в “Туркестанский сборник” за время его существования (1867-1887), а также и в 1887-1907 гг.”, где на 179 страницах машинописного текста были перечислены 1677 названий отсутствующих у Межова публикаций. Также была упомянута работа Н. В. Дмитриевского “Каталог книг русского отделения Туркестанской публичной библиотеки”, отпечатанная в Петербурге и содержащая 5392 наименования: Н. В. Дмитриевский. Азиатская библиография // Туркестанские ведомости. 1895. №№ 15, 16, 18, 26 и 28 (не закончено); Е. К. Бетгер. Новые материалы о “Туркестанском сборнике”. С. 124; О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитриевский как библиографы. Л. 22-23, 29-30. О лакунах в “Туркестанском сборнике” см. также: Н. Н. Бенедиктова. “Туркестанский сборник” как источник изучения истории Средней Азии // Литературный Ташкент. Альманах. Вып. 1. Ташкент, 1945. С. 118-121.

⁶³ Согласно приказу М. Г. Черняева от 13 декабря за № 312, опиравшегося на рапорт В. В. Крестовского, рекомендовавшего оставить в библиотеке только востоковедческую литературу, предлагалось более чем 10.200 томов библиотеки распределить

кентские интеллектуалы предложили ограничить составление *Сборника* исключительно газетными публикациями, а книги и журналы, купленные в столице, отправлять напрямую в Ташкент. В ответ Межов отказался от работ по продолжению *Сборника*.⁶⁶ Впоследствии в ходе многословной переписки между библиографом и генерал-губернатором было достигнуто следующее соглашение: Межов продолжал собирать только газетные и журнальные статьи; он должен был закупать и отсылать в Ташкент книги согласно списку, утвержденному наблюдательным комитетом Ташкентской библиотеки и составлять отдельные тома из статей неофициальной части *Туркестанских ведомостей*.⁶⁷ Однако после трех лет натянутых отношений проект был полностью остановлен. “Некоторая перемена взглядов”, по дипломатическому выражению Логофета,⁶⁸ тяжело задела Межова, который не ожидал подобного поворота и не нашел никаких аргументов в свою защиту:

...с большим прискорбием узнал, что Н. О. Розенбах решил прекратить составление Сборника. Что ж делать, против этого нечего возражать. Против нет, говорит пословица, и суда нет.

...Еще раз сожалею, что вследствие разных финансовых соображений я должен прекратить свою деятельность в пользу Туркестанского края.⁶⁹

⁶⁶ Рапорт Н. П. Остроумова и Н. Н. Дмитровского от 21 апреля 1884 года (“Записка членов комиссии по вопросу о восстановлении Ташкентской публичной библиотеки и составлении ‘Туркестанского сборника’”) указывал на такие просчеты Межова, как включение в *Туркестанский сборник* большого количества материалов по странам, отдаленным от Туркестана (Монголия, Тибет, Восточная Сибирь, Джунгария), наличие дублей, статей невысокого научного значения и плохих переводов, а также вырезок из *Туркестанских ведомостей*, не предусматриваемых изначально в проекте, не говоря уже о пропусках многих ценных книг и статей. По поводу стоимости *Сборника* приводилось крайне невыгодное для него сравнение цен на книги и периодические издания по каталогам магазинов: О. В. Маслова, В. И. Межов и Н. В. Дмитровский как библиографы. Л. 16-17. Более политизированную версию см.: А. Г. Касымова. Туркестанский сборник. С. 73; А. Г. Касымова. Туркестанский сборник. 1985. С. 31.

⁶⁷ Предложение о подготовке томов с отдельными оттисками из *Туркестанских ведомостей* было реализовано в 1885-1889 годах в виде “Сборника сведений о Средней Азии и Русском Туркестане. Статьи из неофициальной части ‘Туркестанских ведомостей’ за 1884, 1885, 1886, 1887 гг.”: О. В. Маслова, В. И. Межов и Н. В. Дмитровский как библиографы. Л. 17-18.

⁶⁸ Д. Н. Логофет. Туркестанский сборник и его значение. С. 182.

⁶⁹ Письма В. И. Межова от 24 августа 1887 года и от 15 июля 1888 года. Цит. по: О. В. Маслова, В. И. Межов и Н. В. Дмитровский как библиографы. Л. 17-18.

Несмотря на прекращение финансирования, Межов все же завершил в 1888 году подготовку последнего указателя к своим заключительным томам.

Через семь лет после этого события Межов умер. Публикаций о Средней Азии с каждым годом становилось все больше, что потенциально еще более подрывало идею тотальной компиляции, а регулярно (с 1884 года) функционировавшая Ташкентская библиотека на ином уровне и в иной форме могла продолжать дело коллекционирования *Туркестаники*. И, однако, издание *Туркестанского сборника* возобновилось в 1907 году, и вновь под влиянием геополитических соображений:

Как ни богата эта [ташкентская] библиотека, приходится вспомнить [писал Логофет, призывая купить частные библиотеки Н. Ф. Петровского, П. И. Хомутова и Н. В. Дмитровского и продолжать пополнение *Туркестанского сборника*], что английская библиотека в Калькутте располагает еще большим книжным материалом благодаря тем колоссальным средствам, которые расходуются ею на приобретение как отдельных изданий и книг, касающихся Азии и выходящих на всех языках, так ровно и целых библиотек, покупаемых у частных лиц.⁷⁰

Помимо этого, видимо, была учтена также и высокая затребованность *Туркестанского сборника* в Ташкентской публичной библиотеке. Согласно отчетам за 1903 и 1904 годы, в читальном зале различные тома *Сборника* были востребованы 609 и 1000 раз (всего же за 1903 год в библиотеке было выдано 12.110 томов и 14.110 томов – в 1904 году), уступая первые места только “словесности” и периодике для 1903 года (соответственно – 690 и 550) и периодике – для 1904 года (6.750).⁷¹

По инициативе наблюдательного комитета при Ташкентских музеях и библиотеке и при личном участии нового генерал-губернатора Туркестана Николая Ивановича Гродекова (генерал-губернатор в 1907 году, до этого военный губернатор Сырдарьинской области) подготовка *Туркестанского сборника* была поручена специально сформированному с этой целью комитету. С 1911 года после смерти Н. В. Дмитровского, бывшего душой проекта, основную работу по составлению сборника

⁷⁰ Д. Н. Логофет. Частные книжные собрания и казенная библиотека (Туркестанские ведомости. 1908. № 261) // Туркестанский сборник. Т. 495. Ташкент, 1907. С. 159-161.

⁷¹ ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 464. Л. 3; Ibid. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 359. Л. 5.

взял на себя востоковед Александр Александрович Семенов (1873-1958).⁷²

За первый (1907) год существования возрожденного *Туркестанского сборника* было подготовлено 34 тома,⁷³ на что ушла 1000 рублей из земской сметы,⁷⁴ за 1908 год – 45 томов, а за 1909 год – 44 тома. И хотя полное энтузиазма, но несколько легковесное пожелание Логофета вскоре увидеть “еще... 500 [новых] томов этого полезного издания”,⁷⁵ “имеющего научно-просветительское значение для всего Туркестанского края”,⁷⁶ не осуществилось, всего за девять лет, т.е. с 1907 года до момента полного прекращения издания в 1916 году по причине отъезда фактического редактора последних 48 томов А. А. Семенова, было выпущено 175 томов.⁷⁷

Несмотря на по-прежнему интенсивный, хоть и неровный, ритм работы, вновь возрожденный после двадцатилетнего перерыва *Туркестанский сборник* во многом отличался от своего варианта под редакцией В. И. Межова. Как можно судить по документам того времени, подготовка томов отныне проводилась исключительно в Ташкенте на основе “журналов и газет, русских и мусульманских, получавшихся

⁷² Комитет состоял из отставного статского советника Н. В. Дмитриевского, отставного коллежского советника А. А. Диваева (1855-1938), заведующего Туркестанской публичной библиотекой и музеем титулярного советника И. П. Зыкова, а также помогавшего им губернского секретаря Ю. Ф. Бонч-Осмоловского. Биографию Н. В. Дмитриевского см.: О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитриевский как библиографы. Л. 4-5, passim.

⁷³ И. Зыков. Отчет Туркестанской публичной библиотеки и музея за 1907 год. С. 185.

⁷⁴ Эта тысяча рублей была выделена на три года из “60.000 рублей, разрешенных министерством финансов в счет запасной суммы, испрашиваемой по проекту земской сметы на 1907-1909 гг.” под предлогом того, что *Туркестанский сборник* представляет собой сборник статистической информации. Помимо этого, наблюдательный комитет, констатировав ее недостаточность для составления *Туркестанского сборника*, обратился к администрациям всех городов Туркестана с просьбой изыскать дополнительные средства. Трудности финансирования в последующие два года были связаны с тем, что расходы по подготовке сборника, вписанные в графу развития библиотеки, были вычеркнуты из общей сметы в министерстве финансов и в Государственной Думе: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 678. Л. 1-1об., 3об., 22, 28-28об., 121-121об.

⁷⁵ Д. Н. Логофет. “Туркестанский сборник” и его значение. С. 182.

⁷⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 678. Л. 28 об.

⁷⁷ А. Г. Касьмова. Туркестанский сборник. С. 73-74; А. Г. Касьмова. Туркестанский сборник. 1985. С. 36-39; Справка С. Н. Моториной, зав. сектором Центра научных исследований ГБРУз, 2002.

ташкентской публичной библиотекой”; “отдельные крупные издания решено было... не включать в сборник”, “книги хранить на общих основаниях”, “составлять [сборник] только из газетных и журнальных статей и мелких брошюр”, “для частичного пополнения пропуска в 20 лет бралось кое-что за этот срок из *Русского Инвалида*, *Правительственного Вестника* и *Туркестанских ведомостей*”, детальная систематизация и каталогизирование отсутствовали, как и иностранные публикации (призыв Д. Н. Логофета к Генеральному штабу войск Туркестана о передаче в библиотеку уже прочитанной английской периодики остался без ответа).⁷⁸

При этом в кругах высшей администрации несколько изменилась оценка *Туркестанского сборника*, который воспринимался исключительно как инструмент управления краем, своего рода глобальная статистическая сводка, лишенная признаков “просветительского” проекта и не направленная на формирование “гражданственности”:

Хотя “Туркестанский сборник” и ведется при Туркестанской публичной библиотеке, – писалось в официальной справке неременного члена от Министерства финансов в Совете генерал-губернатора от 18 декабря 1908 года, – но по существу своему представляет собою обширное собрание самого разнообразного материала, касающегося всех сторон краевой жизни и причем всех областей края, ввиду чего ведение этого сборника является по существу собиранием обширного статистического материала, лишь для удобства сосредоточенного при Туркестанской публичной библиотеке в Ташкенте.⁷⁹

Подобная оценка прозвучала в момент сокращения дотаций на содержание Ташкентской библиотеки с целью сохранить кредиты на компиляцию *Сборника*, материалы которого были, как писалось в многочисленных циркулярах, важны для административного аппарата всех уровней, как в городах, так и в сельских местностях. Общий итог, однако, был неутешительный: хотя “*Сборник* теперь обходится дешевле, чем раньше, – писал обозреватель [А. А. Семенов?], – но в настоящем своем виде... значения прежнего он иметь не может”.⁸⁰ Эту точку зрения разделял и В. В. Бартольд, составлявший во время своих команди-

⁷⁸ И. Зыков. Отчет Туркестанской публичной библиотеки и музея за 1907 год. С. 185; А.С. Туркестанский сборник. С. 194-195; Д. Н. Логофет. “Туркестанский сборник” и его значение. С. 182.

⁷⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 678. Л. 121об.

⁸⁰ А.С. Туркестанский сборник. С. 195.

ровок детальные обзоры существующих в Туркестане документации и источников: “последние тома ‘Туркестанского сборника’ в отношении полноты и аккуратности стоят несравненно ниже прежних, составленных покойным В.И. Межовым”.⁸¹

“ТУРКЕСТАНСКИЙ СБОРНИК”:

ПАМЯТНИК КОЛОНИАЛЬНЫХ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И СОВЕТСКОГО ВРЕМЕН?

Несмотря на столь пессимистическую оценку, общий ансамбль *Туркестанского сборника*, даже с учетом его неполноты, остается важнейшим памятником колониальных архивов российского Туркестана царского времени и... советской Средней Азии. Подобное утверждение, несмотря на весь свой кажущийся алогизм, имеет право на существование. Остававшийся в тени в первые десятилетия советской власти, *Туркестанский сборник*, комплектование которого прекратилось в 1916 году, вновь привлек к себе интерес на этапе радикального пересмотра концепции “тюрьмы народов”, повлекшего изменение взглядов советских историков на колониальное прошлое царского Туркестана.⁸² Теория “наименьшего зла” позволила советским специалистам позитивно оценить многие элементы колониальной ситуации, в частности формирование колониальных архивов, изучение которых теперь разрешалось. Архивы стали восприниматься как сугубо “научное”, “прогрессивное” начинание российских просветителей. Эпитет “колониальный” по отношению к царскому Туркестану, широко применявшийся царской администрацией, был вымаран из советской лексики. Сформулированная к началу 1950-х годов концепция “добровольного присоединения” предполагала исключительно позитивную оценку любых собраний документации царского времени. В 1939 году, в ситуации самоутверждения советской империи посредством присвоения истории империи царской, советский библиограф Евгений Карлович Бетгер (1887-1956) смог укомплектовать *Туркестанский сборник* тремя томами книги Михаила Африкановича Терентьева (1837-1909) “История завоевания Средней Азии с картами и планами”. Выбор именно этого произведения неизбежно рождает вопрос о возможной преемственности двух режимов и о роли историка и библиографа, попытавшегося таким способом принять пассивное участие в дискуссии о по-

⁸¹ В. В. Бартольд. Положение науки в Туркестанском крае // В. В. Бартольд. Сочинения. Москва, 1977. Т. 9. С. 488.

⁸² С. Горшенина. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана. С. 227-229.

зитивной/негативной роли российского завоевания/присоединения Средней Азии и/или подчеркнуть важность работы своих дореволюционных предшественников и учителей.

Советское “вмешательство” в структуру *Туркестанского сборника* не исчерпывается этим единичным актом. Если подробные указатели к первым 416 томам, как уже говорилось, были опубликованы самим В. И. Межовым (Санкт-Петербург, 1878-1888, в 3-х т.), то указатели к последующим 175 томам были составлены в сталинскую эпоху, в 1940-1953 годах, тем же Е. К. Бетгером и О. В. Масловой. Высокая оценка востоковеда барона Виктора Романовича Розена (1849-1908), данная межовским указателям, которые, по его словам, должны быть “настойной книгой всякого занимающегося Средней Азией, её прошлым и настоящим”,⁸³ вполне может быть применена и к советским указателям, которые, к сожалению, остались неопубликованным, но важным дополнением к *Туркестанскому сборнику*.⁸⁴

В начале 1950-х гг. изменился и статус *Туркестанского сборника*, который в 1953 году (на момент окончания подготовки советских аннотаций) передали в отдел редких изданий Ташкентской библиотеки имени Алишера Навои, тем самым повысив его оценку по сравнению с обычным памятником “краеведческой” литературы. В этом же отделе усилиями Е. К. Бетгера были собраны 23 тома аналогичной компиляции, созданной в 1870-1890 годах Н. В. Дмитровским.⁸⁵ Бетгер стремился восполнить существующие в *Туркестанском сборнике* лакуны и с помощью других компиляций, в частности – семи томов журнальных вырезок С. А. Идарова, включающих в себя 89 публикаций за 1849-1867 годы,⁸⁶ и двух томов Александра Константиновича Гейнса (1834-1892), собранных главным образом из статей, увидевших свет в *Известиях Русского Императорского географического общества* и в

⁸³ А.С. Туркестанский сборник. С. 194.

⁸⁴ Эти указатели в машинописном виде хранятся в Ташкентской национальной библиотеке им. Алишера Навои: Е. К. Бетгер. Новые материалы о “Туркестанском сборнике”. С. 123; А. Г. Касымова. Туркестанский сборник. 1985. С. 67.

⁸⁵ Шесть из этих томов Д. Н. Дмитровского содержат в себе вырезки статей из *Туркестанских ведомостей* за 1870-1878 годы, по большей части отсутствующие в *Туркестанском сборнике*. Оставшиеся же 17 томов, составленные из материалов различных периодических изданий 1840-1890 годов, являются важным дополнением к труду В. И. Межова (133 публикации из 186 находящихся в этих томах не были включены в *Туркестанский сборник*): Е. К. Бетгер. Новые материалы о “Туркестанском сборнике”. С. 123.

⁸⁶ Там же. С. 123-124.

Военном Сборнике 1850-х – начала 1860-х годов.⁸⁷ В 1952 году в отделе редких книг Библиотеки им. Ленина в Москве (ныне Публичной библиотеки) Бетгер обнаружил еще 29 томов *Туркестанского сборника* (с 417 по 446 том), носящего название *Туркестан. Сборник статей, заметок и корреспонденций о Средней Азии, напечатанных в газетах (столичных)*. Согласно реконструкции Бетгера, компиляторами этих томов были Межов, а затем Дмитровский.⁸⁸ Составив к некоторым из этих томов карточный каталог,⁸⁹ Бетгер, всю жизнь скрупулезно пополнявший отдел редких книг Ташкентской библиотеки, внес весьма ощутимую лепту в создание библиотечных архивов российского Туркестана.

Подводя итог истории *Туркестанского сборника*, отметим, что этот памятник колониальных архивов российского Туркестана, заверченный с точки зрения комплектования и аннотирования в советское время, остается крупнейшим и уникальным в своем роде (в первую очередь по форме) произведением. В своей окончательной редакции *Туркестанский сборник* насчитывает сегодня 594 тома, включающих в себя 10.710 наименований (416 первых межовских томов петербургского периода датируются 1867-1887 годами; 175 томов ташкентского пе-

⁸⁷ Эти два тома были переданы в библиотеку по отъезду А. К. Гейса из Туркестана в 1869 году: О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитровский как библиографы. Л. 6.

⁸⁸ Согласно Е. К. Бетгеру, первые десять из этих томов, оформленные подобно межовским, были подготовлены, но не завершены Межовым из-за прекращения финансирования летом 1887 года. Купленные Н. В. Дмитровским, они были включены им в хранившийся в его личной библиотеке экземпляр *Туркестанского сборника*, который он начал компилировать с 1870-х годов и впоследствии регулярно пополнял. После смерти Н. В. Дмитровского в 1910 году его библиотека попала в Петербург к его сыну, где, видимо, подверглась разорению в ходе бурных революционных событий. В 1925 году 29 томов в качестве анонимного издания были приобретены Институтом Маркса-Энгельса-Ленина, откуда в 1945 году переданы в библиотеку им. Ленина, а в 1926 году ташкентская библиотека купила у сына Н. В. Дмитровского 23 других тома вырезок: Там же. С. 124-125. Согласно реконструкциям О. В. Масловой, автором всех этих томов был только Н. В. Дмитровский, ибо сильно нуждавшийся в деньгах Межов не мог позволить себе держать дома тома, которые ему могли бы оплатить. Сам Межов писал, что передал в Ташкент все материалы, “вплоть до последнего листочка”: О. В. Маслова. В. И. Межов и Н. В. Дмитровский как библиографы. Л. 20. Те же аргументы приводит А. Г. Касымова. “Туркестанский сборник”. 1959. С. 76; А. Г. Касымова. Туркестанский сборник. 1985. С. 45.

⁸⁹ Каталог, описывающий первые 16 томов с 880 публикациями, находится в Ташкентской библиотеке имени Навои.

риода под редакцией Н. В. Дмитровского и А. А. Семенова – 1907-1916 годами и 3 последних тома под редакцией Е. К. Бетгера – 1939 годом).⁹⁰

Важность этого собрания нашла косвенное подтверждение и в том, что после распада СССР в течение нескольких лет *Туркестанский сборник* был полностью сканирован издательским домом Media-Land в Ташкенте, работающим в сотрудничестве с библиотекой имени Навои. Благодаря этому возникла одна из первых цифровых библиотек на постсоветском пространстве и первая обширная цифровая коллекция *Туркестаники* в мире.⁹¹ Электронная версия *Туркестанского сборника* имеется сегодня в распоряжении научных центров в Казахстане, Японии, Южной Корее и Германии. Регулярное обращение к *Сборнику* современных исследователей подтверждает наблюдения Логофета, писавшего на заре XX века, что его тома имеют характер первоисточника и что “каждый, начавший работать по вопросам, имевшим отношение к Средней Азии, всегда раньше всего встречался с межовским указателем и Туркестанским сборником”.⁹²

II. “Туркестанский альбом” Александра Людвиговича Куна (1871-1872) и другие крупные фотографические проекты К. П. фон Кауфмана

Альбом не хуже индийского...

Усилия К. П. фон Кауфмана по укреплению позиций туркестанского генерал-губернаторства как важной части российской империи предусматривали и определенные акции в метрополии. Эти акции являлись пропагандистскими по своей сути и были адресованы широкому кругу лиц, от царской семьи и исследователей различного профиля до отечественной и зарубежной публики. Большую роль в них играли разные виды визуального искусства. Разнообразные выставки, художественные полотна, скульптурные инсценировки и фотографии долж-

⁹⁰ Помимо указанных выше публикаций см. также упоминания о *Туркестанском сборнике*: И. М. Троицкая. Евгений Карлович Бетгер и “Туркестанский сборник” // Библиотекосведение Узбекистана. Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Е. К. Бетгера. Ташкент, 1989. С. 64; Государственная библиотека Узбекской ССР имени Алишера Навои. 1870-1970. Ташкент, 1977. С. 24-26.

⁹¹ Я выражаю самую искреннюю благодарность руководителям издательского дома Media-Land Наби А. Атарбекову и Энверу Р. Асанову за предоставленную информацию и за возможность пользоваться сканированной версией *Туркестанского сборника* для подготовки этой статьи.

⁹² Д. Н. Логофет. “Туркестанский сборник” и его значение. С. 182.

ны были, как думалось, с большей наглядностью представить все грани туркестанской жизни.⁹³

Искусству фотографии здесь принадлежало особое место. Будучи одним из новейших высокотехнологичных изобретений Европы, фотография обещала, с одной стороны, документальность, беспристрастность и, соответственно, “научность” отображения реальности, а с другой стороны делала возможным создание тотальной, систематической и однородной панорамы вновь завоеванных территорий. В этом фон Кауфман сходиллся с российскими исследователями, приступившими к изучению Туркестана:

фотографические рисунки, – писал А. П. Федченко фон Кауфману 8 февраля 1870 года, – единственные дают возможность вполне ознакомиться с тамошней природой и физиономией страны... [И]зучение населения в естественноисторическом отношении, оттенки полных действия образа жизни и занятий не могут быть выражены никакими описаниями и изложениями без помощи фотографий.⁹⁴

Идея представить наиболее полным образом *весь* Туркестан в рамках одного фотографического альбома исходила от К. П. фон Кауфмана. Позднее в сопроводительном письме к фотографическому *Туркестанскому альбому*, многократно преподносившемуся официальным лицам, он так объяснял свою мотивацию:

Вступив в 1867 году с Высочайшего государя соизволения в управление Туркестанским генерал-губернаторством и считая одной из главных обязанностей первой администрации в наших среднеазиатских владениях всестороннее ознакомление России с этим новым не известным ни для кого краем, я в числе многих как уже осуществленных, так еще и не осуществленных мер принял составление фотографического альбома.... [Этот последний] дает возможность подробно и наглядно ознакомиться с различными не лишенными интереса местностями и с разнообразными народностями вновь покоренных земель в Средней Азии. К альбому прилагается текст, который мог бы служить подспорьем при рассмотрении рисунков, ибо некоторые из них, по новизне своего содержания, могут быть не совсем понятны для не знакомой с краем публики.⁹⁵

⁹³ Svetlana Gorshenina. Construction d'une image “savante” du Turkestan russe.

⁹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 15. Д. 73. Л. 24-26об.

⁹⁵ Ibid. Оп. 20. Д. 6636. Л. 3-3об. Текст письма воспроизведен с небольшими изменениями в: В. В. Стасов. Пожертвования в Императорскую Публичную библиотеку

Как и другие проекты по созданию российских колониальных архивов Туркестана, эта затея не была оригинальной идеей фон Кауфмана, но скорее реализацией на территории российских владений моделей, отработанных в колониях других европейских держав. В частности, как указывает Хитер С. Зоннтаг (*Heather S. Sonntag*), создание фотографических архивов практиковалось в Индии, начиная с генерал-губернатора лорда Джона Каннинга (*John Canning*).⁹⁶ Наличие европейских образцов не отрицалось и самими создателями альбома:

предполагалось по первоначально составленному обширному плану постоянно дополнять этот альбом и довести его до того совершенного и законченного вида, в каком находится известный индийский альбом.⁹⁷

Вместе с тем, альбомания была напрямую связана с экспозиционной деятельностью в форме “колониальных выставок”. Россия с успехом применяла европейские выставочные образцы в отношении своей Средней Азии.⁹⁸ Неслучайно на русской почве генезис идеи фон Кауфмана восходит, согласно исследованиям Хитер С. Зоннтаг, к более раннему альбому фотографа М. К. Приорова, составленному в 1866-1867 годах для показа на Московской этнографической выставке 1867 года. Частично воспроизведенный в книге Петра Ивановича Пашино *Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки* (Санкт-Петербург, 1868), альбом Приорова был включен позднее в *Туркестанский альбом* К. П. фон Кауфмана.

Вместе с тем, не стоит забывать и честолюбивые амбиции первого туркестанского генерал-губернатора. Создаваемый им образ был не просто образом “русского Туркестана”, это был прежде всего образ “Туркестана Кауфмана”, ставший для многих его сослуживцев символом “поистине Периклова века Туркестанского края”.⁹⁹

(1874) // Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847-1886. Т. 3: Музыка и театр – Литература – Императорская публичная библиотека – Автобиография. Санкт-Петербург, 1894. Кол. 1537-1538.

⁹⁶ См. резюме доклада Х. С. Зоннтаг: <http://www.reseau-asie.com>.

⁹⁷ Н. М-в [Маев]. А. Л. Кун // Туркестанские ведомости. 1888. № 46. 22 ноября.

⁹⁸ В отношении организации Туркестанской выставки 1867 года в столичном *Вестнике Европы* писалось, что “подобные выставки произведений и разных предметов вновь присоединенных к государству стран в большом ходу в Англии, где общество относится к ним с живейшим интересом”: О Туркестанской выставке 1869 года // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 373.

⁹⁹ Г. Ф. Федоров. Моя служба в Туркестане. С. 890. См. публикации современников о *Туркестанском альбоме*, перечисленные Б. В. Луниным в “А. Л. Кун”, с. 207:

“МАРКЕТИНГОВАЯ СТРАТЕГИЯ” К. П. ФОН КАУФМАНА

ПО СОЗДАНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ “ТУРКЕСТАНСКОГО АЛЬБОМА”

Реализация проекта была поручена первоначально санкт-петербургскому ориенталисту Александру Людвиговичу Куну (1840-1888), находящемуся с 1868 года в распоряжении генерал-губернатора в качестве титулярного советника.¹⁰⁰ Под его прямым руководством и неустанным контролем фон Кауфмана несколько военных и профессиональных фотографов¹⁰¹ в 1871-1872 годах фиксировали все уголки новых российских владений, продвигаясь буквально по пятам военных отрядов с тем, чтобы, охватив огромные территории между Оренбургом, Кульджой, Семипалатинском и Самаркандом, завершить работу в Чимкенте, Аулиеате и Казалинске. Многочисленные технические трудности, встреченные в ходе фотографирования отдаленных местнос-

П. И. Лерх. О Туркестанском фотографическом альбоме // Известия Русского Императорского Географического общества. 1874. Т. 10. № 2. С. 97-99; В. В. Стасов. Фотографические и фототипические коллекции Императорской публичной библиотеки // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1883 год. Санкт-Петербург, 1885. С. 47-51; Л.К.Ю. [Н. В. Дмитровский]. “Туркестанский альбом” К. П. Кауфмана // Туркестанские ведомости. 1889. №. 36. Среди современных исследований см., помимо работ Heather S. Sonntag (сноска 109): Paul Vanderbilt. Kun Collection // Guide to the Special Collections of Prints & Photographs in the Library of Congress. No. 92. Washington, DC, 1955; Brenda Parker. Turkestanskii Al'bom: Portrait of a Faraway Place and Another Time // Quarterly Journal of the Library of Congress. 1983. Vol. 40. Pp. 284-341.

¹⁰⁰ А. Л. Кун пребывал в должности титулярного советника при генерале-губернаторе с 24 ноября 1868 года по 16 августа 1869 года, затем был командирован в распоряжение начальника Зерафшанского округа для научных и статистических исследований, откуда выехал вместе с членами Искандеркульской экспедиции 1871-1872 годов под руководством А. П. Федченко к верховьям Зерафшана, после чего вскоре был отозван для составления *Туркестанского альбома*. Сам же Федченко был отстранен фон Кауфманом от участия в непосредственном изготовлении *Туркестанского Альбома*, несмотря на то, что им был подготовлен в начале 1870 года подробный список объектов, которых было необходимо сфотографировать в Самарканде: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 3001; Ibid. Оп. 15. Д. 73. Л. 24-26об. См. также: Б. В. Лунин. Александр Людвигович Кун // Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974. С. 203-208.

¹⁰¹ Помимо А. Л. Куна, авторами фотографий были Приоров, Н. Н. Нехорошев, Г. Е. Кривцов, Н. В. Богаевский и М. И. Бродовский. Л. А. Шостаком были выполнены акварели с изразцов самаркандских памятников. Среди изготовителей альбома также нужно упомянуть состоявшего в распоряжении главного артиллерийского управления капитана Каблукова и подменявшего его некоторое время Пичугина: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6652. Л. 66.

тей, упоминались в сопроводительном письме (1873 года) Кауфмана к альбому, где говорилось о не очень высоком качестве отдельных

фотографических снимков, которые не могли быть удовлетворительны по многим причинам, в числе коих главным образом заключаются странствование составленной с большим усилием и с пособием местных средств фотографии по малоустроенным местностям в течение двух лет.¹⁰²

Начатое в Ташкенте благодаря привезенным А. Л. Куном из метрополии фотоматериалам, печатание фотографий несколькими “печатниками” было продолжено в Санкт-Петербурге. Под особым контролем туда переправили 6 сундуков со стеклянными негативами, с которых предполагалось отпечатать 16.200 оттисков, а также провести работы по ретушированию снимков, брошюровке и переплету альбомов. “Вольнонаемный сартовский мирза” должен был находиться в Петербурге с 1 июня по 1 октября 1872 года для “делания мусульманских надписей на картинах”.¹⁰³ За последними этапами подготовки *Туркестанского альбома* с января 1873 года наблюдал старший чиновник особых поручений Михаил Иванович Бродовский, подключившийся к делу, поскольку серьезное запаздывание по контрактам, подписанным А. Л. Куном с литографией Аргамакова и фотографией Петрова, ставило под угрозу всю задумку Кауфмана.¹⁰⁴

Как писал Кун в итоговой докладной записке от 23 декабря 1871 года, первоначально

Туркестанский альбом должен [был] состоять из пяти частей: 1-я – Самаркандские древности; 2-я – Археологический альбом Сыр-Дарьинской области; 3-я – исторический альбом русских завоеваний в Средней Азии; 4-я – этнографический альбом туземного населения в русских владениях Средней Азии и 5-я – промысловый альбом туземного населения в русских владениях Средней Азии. Из этих пяти частей, обнимающих наглядно почти всю туземную жизнь русского Туркестана, Ваше Высокопревосходительство [К. П. фон Кауфман. – С.Г.] ввиду обширного размера альбома изволили приказать составить для определенного назна-

¹⁰² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6636. Л. 4.

¹⁰³ “Сартовскому мирзе” было положено за услуги 35 рублей в месяц, тогда когда сам А. Л. Кун получал 90 рублей в месяц суточных и фиксированную зарплату титулярного советника: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6461. Л. 33об.

¹⁰⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 4058. Л. 5; Ibid. Д. 6461. Л. 4, 5; Ibid. Д. 6636. Л. 1; Ibid. Д. 6597. Л. 70-70об.

чения небольшой компактный альбом Туркестанского края в 100-150 видов.¹⁰⁵

Как и проектировал фон Кауфман, фотографии сопровождался текстом. К этнографической части альбома Кун составил “Этнографические заметки русского Туркестана”; к промысловому отделу М. И. Бродовский написал “Заметки о промышленной деятельности у туземцев” (в опубликованном виде – “Промыслы у Среднеазиатцев”); археологическую часть сопровождал очерк Куна и Н. В. Богаевского “Материалы для Самарканда и его окрестностей”; фотографиям древностей Сырдарьи сопутствовали “Заметки об остатках древностей в Сыр-Дарьинской Области” Куна (при печати оба текста были объединены в один под названием “Материалы для археологического описания древних памятников Сыр-Дарьинской Области и Зарафшанского края” за подписью Куна); история завоеваний русскими Средней Азии (“Очерк движения русских в Среднюю Азию”), прилагавшаяся к историческому альбому, была написана М. А. Терентьевым.¹⁰⁶ Фотоальбомы и тексты также дополнялись картами, планами и несколькими документами на “туземных языках”.¹⁰⁷ В законченном варианте этот колоссальный фотографический проект включал в себя шесть альбомов, сгруппированных в четыре отдела: этнографический (2 тома), археологический (2 тома), исторический и промысловый.¹⁰⁸

Фон Кауфман также определил тираж и схему последующего распределения всех шести составляющих фотографического проекта. Полная версия альбома (45 x 60 см), включающая в себя пять вышеуказанных частей и 1400 снимков, должна была появиться в 7 экземплярах.¹⁰⁹

¹⁰⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6461. Л. 1-1об.

¹⁰⁶ Проектировавшаяся как самая большая (80 страниц), эта часть была сокращена до 10 страниц, что более соответствовало размеру других отделов, занимавших от 3 до 10 страниц. Оригинальный текст М. А. Терентьева в дополненном и расширенном виде был позже опубликован в трех томах и включен в *Туркестанский сборник*.

¹⁰⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6461. Л. 18-18об, 23.

¹⁰⁸ Ibid. Д. 6636. Л. 3-3об.

¹⁰⁹ Возможно, отдельные карты с фотографиями следует считать утраченными. Советский историограф Б. В. Лунин писал, что *Туркестанский альбом* состоял из “447 картонов с 1262 раскрашенными рисунками и фотографическими снимками”: Б. В. Лунин. Александр Людвигович Кун. С. 204. Анализ всех существующих ныне версий альбома, проведенный Хитер С. Зоннтаг (Heather S. Sonntag; она пишет диссертацию “Фотография и картографирование российского завоевания в Средней Азии” в Университете Висконсина, США), показывает, что общее количество фотографий в *Туркестанском альбоме* – 1235 штук, дополненных 21

Этот полный альбом фон Кауфман первоначально предполагал поднести в дар царю, цесаревичу-наследнику и военному министру, а остальные 4 экземпляра предполагалось оставить “на экстренный случай” в Туркестане. Однако позднее фон Кауфман решил отправить в Россию 5 экземпляров и оставить в Туркестане только два альбома.¹¹⁰ В качестве отдельного исторического альбома было решено напечатать 25 экземпляров части, посвященной российскому завоеванию Средней Азии (первоначально предусматривался тираж в 50 экземпляров). 7 таких альбомов должны были остаться в Туркестане, а остальные 18 – в России. Небольшой альбом в 100-150 фотографий планировалось отпечатать в 50 экземплярах, из которых 10 предполага-

акварелью, 14 архитектурными планами и 13 военно-топографическими картами, т.е. всего 1337 изображений (см. резюме ее исследований: <http://www.reseau-asie.com>; Heather S. Sonntag. Re-viewing a Portrait of Empire in Central Asia: The “Turkestan Album” Exposed // Abstracts of Papers Presented at the Central Eurasian Studies Society. 6th Annual Conference, 2005: http://www.cess.muohio.edu/CESSpg_conf_abstracts2005.html). Согласно составленным ей описаниям *Туркестанского альбома*, выложенным на сайте библиотеки Конгресса США (http://www.loc.gov/rr/print/coll/287_turkestan.html), общее число картонов не превышает 445, а количество фотографий и рисунков соответствует 1223 и 54 соответственно (источник разночтения в цифрах остается неясен): 1. Туркестанский альбом, часть археологическая, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана 1-го составили А. Л. Кун и Н. В. Богаевский. Ташкент, 1871-1872 (2 тома с 6 стр. текста и 154 картонами, содержащими 317 фотографий и 40 акварелей; фотографии картонов с 18 по 154, объединенные названием “Самаркандские древности”, выполнены Н. В. Богаевским, акварели – Л. А. Шостаком); 2. Туркестанский альбом, часть этнографическая: туземное население в русских владениях Средней Азии, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана 1-го составил А. Л. Кун. Ташкент, 1871-1872 (2 тома с 6 стр. текста и 164 картонами, содержащими 491 фотографию; виды Кокандского ханства, снятые Г. Е. Кривцовым, составляют последние 7 картонов с 15 фотографиями); 3. Туркестанский альбом, часть историческая, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана 1-го составил М. А. Терентьев. Ташкент, 1871-1872 (1 том с 6 стр. текста и 79 картонами, содержащими 203 фотографии и 13 от руки раскрашенных карт и планов); 4. Туркестанский альбом, часть промысловая: [промыслы] туземного населения в русских владениях Средней Азии, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана 1-го составили А. Л. Кун и М. И. Бродовский, Ташкент, Литография А. Аргмакова, 1871-1872 (1 том с 48 картонами, содержащими 212 фотографий и 1 рисунок). На сегодняшний день полные копии *Туркестанского альбома* находятся в Национальной библиотеке Узбекистана, Национальной библиотеке России и в библиотеке Конгресса США.

¹¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6461. Л. 2.

лось оставить при фотографии в Ташкенте, а остальные 40 переслать в Россию.¹¹¹

Однако изначальные планы изменились. Оставив себе лишь один полный экземпляр, фон Кауфман передал оставшиеся шесть альбомов в дар российскому императору, наследнику-цесаревичу, в Императорскую публичную библиотеку, в Академию художеств, в Ташкентскую публичную библиотеку и в Политехнический музей в Москве (последнее учреждение занимало особое место в амбициозных планах К. П. фон Кауфмана, регулярно пополнявшего его коллекции – официальную “витрину” Туркестана в метрополии¹¹²). Он писал:

...озабочиваясь, чтобы собранный по моему поручению материал “Туркестанского альбома” не остался бесследным для общества, я, предоставив в распоряжение ученых обществ: Географического – негативы этнографического, промыслового и исторического, а Археологического – негативы археологического альбома, просил эти общества принять на себя труд по изданию означенных альбомов. В видах же сохранения целостности собранной коллекции негативов “Туркестанского альбома” как материала одного труда я решил обусловить, чтоб все негативы хранились в одном учреждении, именно в Императорской Публичной Библиотеке.¹¹³

¹¹¹ В этот “сокращенный” альбом должны были быть включены по приказу фон Кауфмана приблизительно 20 видов из части, посвященной Самаркандским древностям, 10 видов – из археологического альбома Сырдарьинской области, 25 фотографий, преимущественно портретов, из исторического альбома, 25 типов из этнографической части и 20 снимков – из промысловой: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6461. Л. 2-2об.

¹¹² Туркестанский отдел Политехнического музея в Москве, называвшийся также Музеем прикладных знаний, был сформирован на основе материалов Туркестанского павильона Политехнической выставки 1872 года в Москве, подготовленного А. П. Федченко и подаренного фон Кауфманом музею. Впоследствии туркестанские коллекции музея регулярно пополнялись благодаря фон Кауфману. В частности, он передал полный вариант *Туркестанского альбома* и два экземпляра альбома *Виды и типы Хивинского ханства*. После получения последнего альбома в 1874 году директор музея Г. Е. Шуровский искренне благодарил фон Кауфмана “за этот драгоценный подарок от себя лично и от лица Высочайше учрежденного комитета по устройству музея. Альбом *Видов и типов Хивинского ханства* будет служить превосходным дополнением Туркестанского отдела музея, более и более обогащаемого щедротами Вашего Высокопревосходительства”: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 7247. Л. 28-28об. См. также благодарственное письмо Г. Е. Шуровского за полученный в дар *Туркестанский альбом*: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6652. Л. 75.

¹¹³ В. В. Стасов. Пожертвования в Императорскую Публичную библиотеку (1874). Кол. 1538.

Согласно тому же сопроводительному письму 1873 года, К. П. фон Кауфман предпринял и другие шаги к еще более широкому распространению своего “фотографического детища”, разместив в разных учреждениях 50 экземпляров сокращенных альбомов, содержащих наиболее яркие фотографии из первой версии.¹¹⁴ Их получателями, помимо всех членов семьи царствующего дома Романовых, стали все ключевые министры Российской империи, а также непосредственные подчиненные фон Кауфмана, управляющие отдельными областями Туркестана.¹¹⁵ Небольшая выборка из альбома была представлена во время Политехнической выставки в Москве в 1872 году.¹¹⁶

Общая стоимость проекта, оплаченного из доходов Зерафшанского округа, намного (как это обычно бывало с задумками фон Кауфмана) превысила предварительные расчеты, составив 9627 рублей 51 коп.¹¹⁷ Однако резонанс от продуманного распространения альбомов, растянувшегося вплоть до 1875 года, оправдал все затраты. Восторженные отзывы следовали один за другим. По словам крупнейшего художественного критика Владимира Стасова, “кроме интереса крайней редкости”, альбом представлял

еще и интерес научный и художественный: здесь заключено огромное количество видов с природы, изображений архитектурных, народных типов: киргиз, калмыков, монгол, афганцев, евреев, персиян, туркестанцев и т.д., представления народных обычаев и занятий, промыслов, религиозных обрядов, увеселений, костюмов и т.д. Всё вместе ожидает добросовестного издателя для того, чтобы пустить этот богатый материал в общее употребление; ученых, чтобы его разьяснить; художников, чтобы воспользоваться им для созданий искусства.¹¹⁸

¹¹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6636. Л. 4об-5.

¹¹⁵ Первоначальный список включал в себя 41 адресат, среди которых были лица, занимающие ключевые посты в Российской империи: министр иностранных дел А. М. Горчаков, министр императорского двора А. В. Адлерберг, военный министр Д. А. Милютин, морской министр Н. К. Краббе, министр финансов М. Х. Рейтерн, главный начальник управления государственных счетов А. А. Абаза, министр просвещения Д. А. Толстой, статс-секретарь К. И. Пален, министр путей сообщения А. П. Бобринский. Среди подчиненных фон Кауфмана получателями альбома были, в частности, В. Н. Троицкий, Г. А. Колпаковский, Н. Н. Головачев, А. К. Абрамов: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6636. Л. 30-30об.

¹¹⁶ Svetlana Gorshenina. Construction d'une image “savante” du Turkestan russe.

¹¹⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6461. Л. 7.

¹¹⁸ В. В. Стасов. Пожертвования в Императорскую Публичную библиотеку (1874). Кол. 1538.

Комментаторы не забывали и про педагогические и пропагандистские аспекты этого “удивительного собрания”:

замечательное и в высшей степени поучительное издание [это] займет, без сомнения, почетное место в числе прочих памятников неустанной и просвещенной деятельности Вашей на поприще пространства в нашем Отечестве и в ученом мире точных сведений об отдаленном крае, вверенном Вашему управлению. Раскрывая перед нами бытовые особенности племен и стран, до русского владычества едва известных по имени, подобное издание, наряду с разнообразными учеными исследованиями, исполненными благодаря вашему покровительству, может по справедливости считаться нравственным результатом успехов нашего оружия в Средней Азии.¹¹⁹

Именно такой реакции и ожидали фон Кауфман и выполнявшие его поручение Кун и Бродовский. Во введении к *Туркестанскому альбому* они писали, что открытие Средней Азии, если не считать отдельных сведений “арабских географов десятого и последующих веков” и наблюдений “посланника Генриха III Кастильского Гонзалеса-де-Клавихо”, было сделано “исключительно” усилиями русских. Оно началось с XVI века, продолжилось в Петровскую эпоху, но особенно активизировалось после завоевания Средней Азии:

Занятие г. Ташкента, а за ним г. Самарканда открыло русским исследователям Средней Азии обширное поле для всестороннего ознакомления с краем, составлявшим столь долго для людей науки предмет жадных стремлений их любознательности.¹²⁰

Порядок расположения текстов в альбоме также подчеркивал “просветительский” характер русского присутствия в Азии. О том же говорило использование фотографий из Туркестанского альбома организаторами выставок. Так, например, многие фотографии были представлены в Туркестанском павильоне Политехнической выставки 1872 года. Сопровождавшие выставку программные объяснения, каталоги, панно и газетные отзывы однозначно задавали единую траекторию интерпретации сконструированного на выставке паноптикума русского Туркестана. Отдавая должное великим цивилизациям прошлого Средней Азии, пришедшим к началу XIX века в полный застой, российские “устроители края” констатировали явный упадок среднеазиатско-

го общества, не способного более заботиться о своих собственных исторических памятниках, которые на глазах превращались в руины. Не остались незамеченными “варварские нравы”, “примитивные обряды” и “незатейливый быт” “среднеазиатцев”, а также “отсталость” используемых ими технологий при наличии богатого природного потенциала страны. Последнее, помноженное на “русскую предприимчивость и энергию”, обещало блестящие перспективы приобщения к “европейской модернизации”. Залогом такого приобщения являлось российское завоевание.¹²¹ “Национальная” русская перспектива этого колониального фотографического проекта и желание самоутверждения в европейском сообществе были его стержневыми идеями.

В этом контексте становится ясен внутренний подтекст предложения министра финансов М. Х. Рейтерна в 1873 году отправить *Альбом* на Венскую всемирную выставку:¹²² вне всяких сомнений, именно этот тип документации должен был сыграть решающую роль в формировании образа “русского Туркестана” и вывести Россию в ранг великих европейских держав.

Однако завоевание Средней Азии продолжалось, и *Туркестанский альбом* уже не представлял все российские владения в регионе. Для исправления этого недостатка было решено дополнить его отдельными приложениями, которые также разослали ключевым фигурам империи (так, в апреле 1875 года распространили первый выпуск приложений к *Туркестанскому фотографическому альбому*, содержащий раздел “Технические производства в Туркестанском крае”¹²³). Однако эта тактика не оправдала себя: в отличие от библиографической утопии Межова, идея тотальной фотографической коллекции, исчерпывающе представляющей регион, чрезвычайно быстро потерпела полное фиаско.

В то же время фотофиксация отдельных аспектов туркестанской жизни в виде тематических альбомов стала обычной практикой. На смену *Туркестанскому альбому* пришла серия не связанных между собой фотографических коллекций. В 1874 году по приказу фон Кауфмана подпоручик третьего Туркестанского стрелкового батальона Кривцов за 1200 рублей изготовил 100 экземпляров альбома *Виды и типы Хивинского ханства*. Альбомы вышли в разнообразных переплетах (сафьяновые с шелковой подкладкой или без подкладки, а также ко-

¹¹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6636. Л. 47-47об.

¹²⁰ Предисловие к Туркестанскому альбому. Часть археологическая, 1871-1872. С. 3.

¹²¹ Svetlana Gorshenina. Construction d’une image “savante” du Turkestan russe.

¹²² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6652. Л. 59.

¹²³ Ibid. Л. 71.

ленкоровые),¹²⁴ и, как писал в благодарственном письме от 3 июля 1874 года Кавказский отдел Императорского русского географического общества, “наглядно знаком[ил] со страной, только что открытой для науки и цивилизации подвигами русских войск”.¹²⁵ В том же 1874 году появился *Самаркандский альбом*;¹²⁶ в 1876 году штабс-капитан 8-го батальона Савенков выразил желание сделать альбом *Видов Амударьинского района* по примеру *Хивинского альбома* Кривцова,¹²⁷ вслед за которым появилось множество других альбомов с “видами” и “типами” Туркестанского края. Большая часть фотографий из этих изданий тиражировалась в виде почтовых открыток, окончательно перейдя в сферу визуальных клише массовой культуры.¹²⁸

¹²⁴ Ibid. Д. 5871; Д. 7247.

¹²⁵ Ibid. Д. 7247. Л. 42об.

¹²⁶ Ibid. Д. 7247. Л. 52.

¹²⁷ Ibid. Д. 10095.

¹²⁸ О характере этого вида визуального искусства можно составить представление, отталкиваясь от одной из самых крупных и интересных на сегодняшний день персональных коллекций почтовых открыток Бориса Анатольевича Голендера, которая была частично опубликована коллекционером в сопровождении кратких исторических комментариев: Б. А. Голендер. *Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1898-1917)*. Ташкент, 2002. Среди других публикаций, затрагивающих историю фотографий в российском Туркестане, см., помимо упомянутой выше работы Х. С. Зоннтаг: *Au pays sacré des anciens Turcs / Eski Türklerin Kutsal Ülkesinde* [photos by H. Bouillane de Lacoste]. Réunion des Musées nationaux / Yapi Kredi Yayınları. Istanbul-Paris, 1995; E. Çagatay. *Once Upon a Time in Central Asia*. Istanbul, 1996; Charles Daney. *Le Transsibérien. Documents photographiques de la Société de géographie de Paris*. Paris, 1980; G. Dopffer. *Paul Nadar. De la Turquie au Turkestan*. Istanbul, 1994; W. Kenneth. *Frontière d'Asie. Photographies et notes de voyage du fonds Louis Martin*. Paris, 1933; E. Maillart, N. Bouvier. *La vie immédiate. Photographies*. Paris, Lausanne, 1991; A. G. Nadvetskiy (Dir.). *Boukhara (Juste a temps: les grandes archives photographiques [1871-1898]) / Trad. de l'anglais par M. Suchaud*. Paris, 1993; V. V. Naumkin (Dir.). *Samarcande (Juste à temps: les grandes archives photographiques [1871-1898], I) / Trad. de l'anglais par S. Mendez*. Paris, 1992; Svetlana Gorshenina. *La route de Samarcande: l'Asie centrale dans l'objectif des voyageurs d'autrefois*. Genève, 2000; Eadem. *Private Collections of Russian Turkestan*; Margaret Dikovitskaya. *Central Asia in Early Photographs: Russian Colonial Attitudes and Visual Culture* // Uyama Tomohiko (Ed.). *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia, 2005 Summer International Symposium at the Slavic Research Center, Hokkaido University “Regional and Transregional Dynamism in Central Eurasia: Empires, Islam and Politics”*. Sapporo, 2007. Pp. 99-121; Г. Дружневская. *Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела научного архива Института истории РАН. Санкт-Петербург, 2007.*

СТРУКТУРИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ

Поток фотографических изображений оказывал влияние не только на массовую культуру, но и на научные представления, устанавливая взаимозависимость власти и производителей знания. Так, после получения сокращенного *Туркестанского*, а также *Хивинского* и *Самаркандского* альбомов председатель Императорского русского археологического общества Василий Григорьев (1816-1881) писал фон Кауфману, что общество “употребит со своей стороны свои старания к тому, чтобы археологические вопросы, возбуждаемые изданными при Вашем содействии альбомами”, в том числе и об арийских корнях русских, были разрешены.¹²⁹ “Фотографическое детище” фон Кауфмана было воспринято как строго научная фиксация Туркестана: многие высшие учебные и научные заведения России и Европы выразили желание получить его в дар для своих коллекций, не осмеливаясь на покупку издания, цена которого по слухам составляла 1500 рублей (за полный *Туркестанский альбом* – хотя ни он, ни сокращенные версии никогда не предназначались к продаже).¹³⁰ Стараясь удовлетворить все запросы в соответствии с наличием в резервах генерал-губернаторства сокращенной версии альбома,¹³¹ в январе 1874 года фон Кауфман решил передать свой собственный полный экземпляр *Туркестанского альбома* одному из просителей – восточному факультету Санкт-Петербургского университета, “предполагая, что там он принесет более пользы”.¹³² Посредником при передаче выступил министр народного просвещения Дмитрий Алексеевич Толстой (1823-1889; министр в 1866-1880 годах), что придавало акции особую политическую значимость. Благодарность не заставила себя ждать: вскоре К. П. фон Кауфман был избран почетным членом Санкт-Петербургского университета.

В более непосредственной форме участие фон Кауфмана в структурировании научных знаний и в обеспечении взаимодействия власти и науки прослеживается в истории с подготовкой серии антропологиче-

¹²⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 7247. Л. 43, 52.

¹³⁰ Ibid. Д. 6652. Л. 62-62об.

¹³¹ Так, директор школы восточных языков в Париже Шефер просил 30 декабря 1872 года передать ему *Туркестанский альбом*, сокращенный вариант которого ему вскоре отправили: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6637. Так же положительно ответили на просьбу главного начальника военно-учебных заведений направить *Альбом* в педагогический музей военно-учебных заведений: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6652. Л. 60, 62-62об.

¹³² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6652. Л. 63-63об.

ческих альбомов. Так, в частности, президент Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге граф Федор Петрович Литке в своем письме фон Кауфману от 6 марта 1880 года попросил о составлении специального антропологического альбома для Музея этнографии и антропологии при Академии наук с “фотографиями типов инородцев”:

В настоящее время для этнографических разысканий и для решения вопросов о взаимном родстве различных племен и народов весьма важное значение имеет сравнительное изучение строения и склада их лиц, причем современное развитие и распространение фотографического искусства облегчает собирание материалов для подобных исследований. Поэтому во всех антропологических и этнографических музеях Европы отводится ныне важное место коллекциям фотографий народных типов. В Музее Этнографии и Антропологии при Императорской Академии наук уже положено основание подобной коллекции, при составлении которой Академия преимущественно заботится о полноте оной в отношении типов многочисленных и разнообразных племен, населяющих Империю, и уже успела достигнуть в сем отношении значительного успеха, однако в этой коллекции до сего времени, к сожалению, вовсе не имеется типов различных инородцев Туркестанского края. Такой пробел тем более прискорбен, что племена и народы, населяющие помянутый край, до сего времени еще мало исследованы и что ознакомить с ними науку составляет прямую обязанность Академии наук как высшего ученого учреждения в государстве, приобретшем этот край и открывшем его для образованного мира.¹³³

Следуя избранной роли “просвещенного устроителя Туркестана”, фон Кауфман вновь принял на себя все расходы, связанные с подготовкой нового антропологического альбома, поручив его реализацию фотографу Владиславу Козловскому, уже работавшему над созданием специального *Альбома типов народностей, населяющих Туркестанский край* для третьего международного конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге.¹³⁴ Однако Кауфман не был только меценатом, выделившим 238 рублей на 119 фотографий без переплета, представляющих по две фигуры на каждом снимке, и подарившим в августе 1880

года альбом академическому музею (а также многим российским и зарубежным научным обществам, в частности – Венскому географическому) “для изучения любопытных племен”.¹³⁵ Вполне возможно предположить, что при подготовке этого альбома фон Кауфман использовал существующие наработки В. Козловского или, как минимум, отработанную в ходе подготовки альбома для третьего международного конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 году методику. Тогда В. Козловскому запретили самостоятельно выбирать персонажей для фотографирования: “во-первых, по причине недостатка у него необходимых сведений, а во-вторых, потому, что частному лицу невозможно достать требуемых типов”. Выбор “туземцев” по распоряжению генерал-губернатора осуществляли подчиненные фон Кауфману офицеры, которые по своему усмотрению направляли к Козловскому “наиболее типичных по физиономии” представителей среднеазиатских народов “с запиской, в которой... обозначалось их имя, возраст, местожительство и народность, а также у узбеков и род”; при этом ориентировались на запрос ученых, требовавших обязательного представительства в фотоколлекции четырех персонажей (2 мужчин и 2 женщины), репрезентативных для “таджиков, ягнобцев, узбеков, афганцев, цыган-люли, евреев и сиягуши”.¹³⁶

Таким образом, выделение “среднеазиатских типов” отдали на откуп офицерской элите, которая, в свою очередь, нередко переадресовывала эту задачу гарнизонным офицерам, имевшим в большинстве своем самые приблизительные представления о таксономических единицах “научной” антропологии и академическом ориенталистском дискурсе. Однако, будучи на переднем плане наступательных операций, воплощая собой прямое доминирование и неприкрытое насилие (в отличие от фотографа, они могли вырвать из обыденной жизни и принудительно заставить сфотографироваться любого носителя “типичной физиономии”), офицеры нижнего звена также являлись наилучшими знатоками местных практик. Заимствуя отдельные элементы языков самоописания местного населения и отталкиваясь от собственного колониально-фронтирного опыта и знания, они выделяли по своему усмотрению границы создаваемых антропологических объектов, фиксировали различия и легитимировали сконструированные категории по тем же самым схемам, которые практиковались в рамках системы военно-народного управления на Кавказе. Принад-

¹³³ Ibid. Оп. 1. Д. 1449. Л. 1-2.

¹³⁴ За эту работу, поименованную ошибочно в духе времени антропологическим отделом *Туркестанского альбома*, Козловскому было выплачено 1500 рублей в апреле 1877 года: ЦГА РУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.

¹³⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1449. Л. 4об, 5, 12-12об; Ibid. Оп. 19. Д. 722.

¹³⁶ Ibid. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 263. Л. 1-2.

лежность избранных персонажей к определенной “народности” офицерство фиксировало в сопроводительных записках; после фотографирования эта фиксация обретала статус “объективной реальности”, чтобы затем, в результате публикации и многократных воспроизведений, превратиться в научную категорию, в свою очередь служащую основой для последующих отборов “среднеазиатских типов” для фотографической фиксации. Таким образом, распространяясь на разных уровнях академических и политических ориенталистических дискурсов и проекций, начатое низшим офицерством конструирование “Другого” легитимировалось в ходе раскручивания визуально-таксонометрической спирали.

Условность и случайность такого процесса конструирования “среднеазиатских типов”, которым в секретных сводках то же офицерство приписывало определенный набор моральных качеств, хорошо иллюстрирует репрезентация “ягнобцев” в фотографическом паноптикуме. Генерал Арендоренко, ответственный за их “доставку” фотографу, рапортовал из Пенджикента о невозможности привезти в Самарканд из Ягноба двух женщин “как по затруднительности пути через горные, еще загроможденные снегом перевалы, так и вследствие строгой замкнутости быта этих горцев”.¹³⁷ Тем не менее в антропологическом альбоме они были. Таким образом, если планы столичных востоковедов из Комитета по участию Туркестанского края в Третьем конгрессе ориенталистов в Санкт-Петербурге выставить на обозрение коллег “представителей разных племен, населяющих Туркестанский округ, по примеру того, как было сделано на последнем лондонском конгрессе относительно туземных рас британской Индии”, не осуществились по причине отсутствия необходимых финансов, то антропологические альбомы могли успешно компенсировать этот недостаток. Колониальные администраторы и ученые считали, что они могут “показать наглядно то цивилизирующее влияние, которое оказывает русская власть на среднеазиатские народности”.¹³⁸ Распространившись за

¹³⁷ Ibid. Л. 6.

¹³⁸ Как пояснялось далее в этом письме, “благодаря краткости присоединения к Российской империи нашего края влияние это еще, конечно, не могло выразиться очень рельефно и сводится пока главным образом к знакомству многих туземцев с русским языком, с нашими порядками и на ясное сознание [так в документе – С.Г.] тех выгод, которые они получили, перейдя от прежнего деспотического гнета и хронических неурядиц к теперешнему положению, которое дает возможность развиваться производительным силам страны и покровительствует всякой полезной личной инициативе”: ЦГА РУз. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 263. Л. 8-8об.

пределы Туркестана, эти изображения, обращенные как к настоящему, так и к будущему, получали статус достоверной научной репрезентации объективной реальности, а их бюрократически-колониальный генезис оставался в тени. Субъекты колониального знания – от низшего офицерства до военной элиты, высшей колониальной администрации и ангажированных ею ориенталистов – в рамках этого фотографического и – вне всякого сомнения – колониального проекта сумели очертить контуры покоренного среднеазиатского “Другого” на фоне специфического ландшафта, легитимировав собственное видение, классификации и терминологию как на уровне академического и политического дискурсов, так и на уровне массовых визуальных штампов.

III. Систематизация архивов туркестанского генерал-губернаторства (с 1873 года)

Более типичной колониальной практикой было создание архива текущих документов туркестанской администрации, так как упорядочение рутинной документации в виде административных архивов является неперемennым атрибутом бюрократического управления. Тем не менее, в отличие от Ташкентской библиотеки, *Туркестанского сборника*, газеты *Туркестанские ведомости*, *Туркестанского альбома* и других аналогичных коллекций, создание административного архива не предусматривалось в ряду первых действий К. П. фон Кауфмана и не ассоциировалось им с “просветительской” деятельностью по “обустройству края”. Согласно Положению 1867 года об управлении Туркестанским краем, вся переписка по всем отраслям военно-народного управления должна была концентрироваться в канцелярии туркестанского генерал-губернатора, состоящей из двух чиновников. Для областных управлений, руководимых военными губернаторами, канцелярии предусмотрены не были вовсе, как и структуры более глобального характера для всего генерал-губернаторства.¹³⁹ Даже возрастающий объем текущей документации не сделал архивный проект актуальным в глазах туркестанской бюрократии. В апреле 1871 года начальник канцелярии Савенков (?) рапортовал фон Кауфману, что

делопроизводительство Вашего Высокопревосходительства, постепенно увеличиваясь, сделалось в настоящее время настолько обширным, что личный состав канцелярии оказывается крайне недостаточным. Разработка вызываемых потребностями края воп-

¹³⁹ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. С. 10.

росов, возникающие на новых началах городское хозяйство, земство, готовящееся поземельное переустройство и разворачивающаяся в крае торговая и промышленная деятельность – все это привлекло в канцелярию массу дел, требующих серьезного обсуждения.¹⁴⁰

Подобная ситуация, согласно рапорту, требовала не только присутствия большего числа чиновников, но и их специализации по отдельным вопросам. Однако вопрос о том, как следует поступать с этой массой документов после их обработки, в рапорте даже не ставился.

О необходимости создания специального архивохранилища заговорили только в 1873 году, через шесть лет после возникновения генерал-губернаторства как самостоятельной административной структуры и через два года после написания процитированного выше рапорта относительно большого объема текущей документации.¹⁴¹ Возможно, за это время количество документов в канцелярии достигло некой критической массы.¹⁴² С другой стороны, осознание необходимости создания административного архива отмечает качественно новый этап русского присутствия в Средней Азии, связанный с переходом от “оккупации” к “управлению”. Несмотря на то, что российская экспансия в Средней Азии продолжалась и границы русских владений вплоть до 1907 года оставались нестабильными, 1873 год ознаменовался несколькими радикальными мерами, направленными на упорядочение завоеванного пространства. Во-первых, был подписан договор о протекторате с Хивой; во-вторых, сформирован обширный Амударьинский отдел, управлявший делами на бывших хивинских берегах Амударьи и дополнивший Сырдарьинскую и Семиреченскую области с центрами в Ташкенте и Верном (Алматы); наконец, был создан Закаспийский отдел. Вкупе с уже ранее завоеванным Самаркандом, захваченной Кульджой и Бухарским эмиратом, низведенным до вассального положения, эти последние события позволяли говорить об однозначном укреплении российских позиций в Средней Азии. Планы по созданию архива, возможно, были напрямую связаны с разработкой в 1873 году нового

проекта по управлению Туркестанским краем. Как писал К. К. фон Пален, проект был проникнут “идеею усиления власти как залога возможного в будущем сокращения войск округа”. Пален традиционно ссылался “на пример Индии, где управление сосредоточивается в руках сильно организованной власти”.¹⁴³ Военские части не нуждались в Архиве для осуществления военного управления, но Архив как институт становился обязательным атрибутом стабильной и централизованной колониальной администрации. Именно поэтому его появление фиксирует момент, когда “колонизация” перестает однозначно пониматься как “завоевание” и на повестку дня встает вопрос о новых, “гражданских” по своему характеру, практиках управления.

Непосредственно предложение по архивации текущей административной документации исходило не от фон Кауфмана (хотя и было им поддержано), а от генерал-лейтенанта Герасима Колпаковского (1819-1896), занимавшего пост главного начальника края и исполнявшего в 1873 году должность генерал-губернатора:

Делопроизводства центральных управлений Туркестанского края, находящихся исключительно в г. Ташкенте, заключают в себе весьма много **важных для истории и статистики края данных и дают обильный материал для изучения оногo**. Но при всем обилии этих материалов они, вследствие того, что разрознены и хранятся в архивах при каждом из существующих управлений, не приносят ожидаемой **пользы для дела изучения края**, так как недоступны или, вернее, **ускользают от внимания исследователей**, которые могут и не подозревать существования большинства из них. Вполне пользоваться этими материалами окажется возможным только тогда, когда все оконченные дела существующих в крае управлений будут сосредоточены в одном месте и приведены в систему. При таком только сосредоточении и сгруппировании материалов будет возможно **проследить исследуемый вопрос по имеющимся уже в делах данным**. Для приведения дел в это положение Г. Главный начальник края изволил признать необходимым учреждение в Ташкенте при главном управлении краем центрального архива, в который бы поступали на хранение оконченные дела всех управлений и ведомств края. К центральному архиву будет присоединена и Ташкентская публичная библиотека.¹⁴⁴

¹⁴⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 3312. Л. 1.

¹⁴¹ См. анализ подобной ситуации во французском Марокко, где первоначально информация концентрировалась не в специальных архивах, а в импровизированном “Арабском бюро”: Edmund Burke III. The Creation of the Moroccan Colonial Archive, 1880-1930 // *History and Anthropology*. 2007. Vol. 18. No. 1. Pp. 1-9.

¹⁴² См. историю разрастания туркестанской администрации: К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. С. 130-147.

¹⁴³ Ibid. С. 27-28.

¹⁴⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 689. Л. 2-2об; Ibid. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 348. Л. 1-2об. Выделено мною.

Таким образом, создание архива преследовало несколько иные цели, чем организация библиотеки, издание *Туркестанского сборника* и составление *Туркестанского альбома*. Библиотека и *Сборник* нужны были туркестанской администрации для адекватного управления краем, хотя эта цель маскировалась просветительской риторикой. Назначение *Альбома* было пропагандистским. Архив же сразу виделся как документальное собрание, на основе которого исследователи могут изучать прошлое Туркестанского края с точки зрения его колониальной «истории и статистики». Сиюминутная польза от использования архивных дел не являлась основной целью, хотя и не отбрасывалась вовсе. В перспективе планировалось написание истории русской колонизации.

Будучи наиболее монологичным способом фиксации колониального опыта, архив туркестанского генерал-губернаторства являл свой автопортрет, что проявилось уже в том, как планировал Колпаковский структуру нового учреждения:

В Центральном архиве должны быть четыре отделения для хранения дел следующих управлений края. Первое отделение займут дела Канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Во втором отделении будут храниться дела: Областного правления, городских управлений, судебные и Ташкентского ярмарочного комитета. В третьем отделении помещаются дела: окружного Штаба туркестанского военного округа, Военно-окружного совета, Топографического отдела и всех военных отделов округа. Четвертое отделение займут дела: Областного штаба, комендантских управлений, управления стрелковой бригады, госпиталей и проч. Размеры каждого из сих отделений и число комнат в отделении должны быть определены по соображению с числом главных и второстепенных управлений края и количеством дел, имеющих поступать от каждого из них на хранение в Центральный архив.¹⁴⁵

Подобное подразделение точно воспроизводило систему военноподчиненного управления, которую пытались распространить с Кавказа на новозавоеванную «мусульманскую» периферию, заимствуя у более «совершенной» российской колонии принцип военной администрации и контроля в сочетании с сохранением локальных самоуправляющихся общин (конфессиональных, сословных, цеховых и пр.). Соответственно, в первое отделение архива откладывался фонд генерал-губернатора как представителя высшей власти, во второе – дела граж-

¹⁴⁵ Ibid. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 689. Л. 2об-3.

данской ветви военной администрации, в третье отделение – собственно дела военных учреждений, в четвертое – бумаги тыловых и вспомогательных служб.

Будучи направлено циркулярным письмом ко всем областным военным начальникам с требованием оценить возможное количество документов, «которые могут теперь и будут потом поступать в архив на хранение»;¹⁴⁶ это предложение спровоцировало недолгое обсуждение необходимости подобной затеи. Местные бюрократы проявили явное отсутствие энтузиазма (можно ли связывать это отчасти с тем, что предложение исходило не напрямую от фон Кауфмана?). В частности, военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Головачев писал:

Мысль Г. Главного начальника края, как видно из предложения Вашего Превосходительства за № 4509, состоит, если я не ошибаюсь, в том, чтобы в туркестанском Центральном архиве были сосредоточены дела, могущие представить какой-либо интерес в **научном отношении и послужить будущим исследователям материалом для изучения Русского Туркестана**. Исходя из этой мысли и будучи хорошо знаком с содержанием областного и уездных управлений вверенной мне области, я прихожу к заключению, что из массы дел, хранящихся теперь в архивах управления, едва ли половина может иметь по своему содержанию значение в каком-либо отношении, а затем другая половина состоит из бумаг, не представляющих никакого интереса и могущих служить лишь для канцелярских справок. Многие из дел последней категории, хранящихся теперь в архивах, потеряли даже интерес справочный и по прошествии еще некоторого времени, вне всякой потери не только для исследователей края, но даже и для канцелярий, могут подлежать уничтожению. То же самое нужно сказать и о большинстве дел, производящихся в области в настоящее время, из которых, может быть, не более половины поступит в Центральный архив для целей, указанных Г. Главным начальником края, а остальные дела останутся в архивах управлений и по прошествии пяти-шести лет также могут быть уничтожены.¹⁴⁷

Мнение о недостаточной важности документов, отражающих текущие дела, разделялось и другими колониальными администраторами меньшего ранга. В частности, начальник Кураминского уезда Сыр-

¹⁴⁶ Ibid. Л. 10.

¹⁴⁷ Ibid. Л. 11. Выделено мною.

дарьинской области, базировавшийся в селении Куйлюк, 17 февраля 1875 года писал, что за период с августа 1872 года по февраль 1875 года (т.е. почти за три года) он может сдать в архив не более 400 дел, “в числе [которых] заключаются дела преимущественно по разным искам и жалобам между туземцами”.¹⁴⁸

По расчетам военного губернатора Сырдарьинской области генерал-лейтенанта Головачева, для направляемых им в архив документов потребуется не более трех комнат:

Из этого числа дел, образовавшихся в течение семи с лишком лет, и из положения делопроизводства в настоящее время я вывожу заключение, что на будущее время может поступить в Центральный архив из всех управлений Сырдарьинской области приблизительно до 5000 дел ежегодно.¹⁴⁹

Несмотря на незначительное число документов, присылаемых для архива областными подразделениями колониальной администрации (никто не затребовал для своих архивов более трех комнат) и скептицизм по поводу их ценности, количество собранной информации неуклонно возрастало. Туркестанская администрация столкнулась с проблемой её классификации. В ноябре 1903 года, т.е. через 30 лет после создания архива, управляющий канцелярии туркестанского генерал-губернаторства констатировал чрезвычайный беспорядок в архиве и предложил назначить специальную комиссию для того, чтобы

разобрать и положить дела по отделениям, по годам, проверить их по архивным описям и затем уложить их в порядок. После этого, казалось бы, необходимо архивную комнату запереть и кроме Архивариса никого не допускать.¹⁵⁰

Безусловно, за этой первой систематизацией последовали и другие, менявшие структуру регулярно пополнявшегося новыми документами архива туркестанского генерал-губернаторства.¹⁵¹ Оценка значимости этих документов впоследствии производилась не местными администраторами, а архивариусами. Начиная с 1909 года разрешения на уничтожение документов могла выдавать только специальная

¹⁴⁸ Ibid. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 348. Л. 49.

¹⁴⁹ Ibid. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 689. Л. 11.

¹⁵⁰ Ibid. Оп. 28. Д. 618. Л. 1.

¹⁵¹ На сегодняшний день большинство документов, связанных с эпохой туркестанского генерал-губернаторства, находится в ЦГА РУз в так называемой исторической части архива, расписанной по нескольким описям.

архивная комиссия.¹⁵² Условия хранения архивных документов оставались стесненными: в своем отчете о командировке в Туркестан летом 1916 года В. В. Бартольд писал, что “дела хранятся в порядке, но в крайне тесных помещениях, иногда на деревянных помостках, ничем не защищенных от пожара”. Сказанное относилось к генерал-губернаторскому архиву, поскольку архив Туркестанского военного округа помещался в особом здании.¹⁵³

Несмотря на последующие радикальные перемены, связанные с революциями 1917 года, гражданскими войнами 1918-1921-х годов и национальным размежеванием 1924-1936-х годов, поставившим последнюю точку в существовании российского Туркестана, Ташкент сохранил за собой значение основного центра хранения российских архивов колониальной Средней Азии. Так, Давид Маккензи (David Mackenzie), работавший по проблематике русского колониального Туркестана в 1960-е – 1970-е годы, писал, что без привлечения подлинных архивных документов туркестанской администрации, сосредоточенных большей частью в Центральном государственном архиве Узбекистана, полноценное изучение этого периода невозможно.¹⁵⁴

Вместе с тем, миф об исчерпывающей полноте и уникальном значении этих архивов для историков края не возник. И дело здесь не столько в избранных колониальной администрацией принципах его комплектования, сколько в том, что помимо Ташкента важные архивные коллекции, связанные с российским Туркестаном, находятся в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга.¹⁵⁵ Исчезновение Советского Союза также не привело к объединению документальных коллекций, контрастируя в этом отношении, например, с французским опы-

¹⁵² Согласно инструкции о порядке и способах уничтожения завершенных дел по губернским правлениям и по учреждениям ведомства министерства внутренних дел от 19 июня 1909 года, местные архивариусы должны были ежегодно составлять описи дел с истекшим сроком хранения и отправлять их в центральную архивную комиссию. Комиссия могла рекомендовать постоянное хранение или передачу в определенное научное заведение; при отсутствии же ответа по истечении 6 месяцев предписывалось уничтожение архивных дел на местах: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 1277. Л. 5-5об.

¹⁵³ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года // Сочинения. Москва, 1973. Т. 8. С. 338.

¹⁵⁴ David Mackenzie. Kaufman of Turkestan. P. 265, note 3.

¹⁵⁵ Архивы России / Под ред. В. П. Козлова и Патриции Гримстед. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. Москва, 1997.

том. Быстрая дезинтеграция французской империи между 1958 и 1961 годами повлекла за собой вывоз в метрополию всех документов из французских владений в Африке и в Азии. В 1966 году возник объединенный архив колониальной документации в Экс-ен-Провансе (*Dépot des archives d'outre-Mer à Aix-en-Provence*; архивные собрания метрополии, имевшие отношение к колониям, не были затронуты этим слиянием).¹⁵⁶ В отличие от Франции, российские колониальные архивы ни в советское, ни в постсоветское время не расценивались как колониальные. Они по-прежнему остаются распыленными по всей территории бывшего советского пространства.

IV. Сборник “Туркестанский край”

Андреана Григорьевича Серебренникова (1901-1915)

Если значимость текущих административных архивов не была сразу в должной мере оценена колониальными администраторами, то категория документов, непосредственно связанных с историей завоевания среднеазиатского пространства Россией, с самого начала привлекала их внимание. Первые публикации на эту тему стали появляться практически параллельно с продвижением российских войск в Средней Азии. Это были документальные сборники, включавшие в себя приказы генералитета, детальные отчеты о военных экспедициях, выборы из административных архивов или же реконструкции истории военных событий и дипломатических миссий их участниками.¹⁵⁷ Регу-

¹⁵⁶ Vincent Confer. The Depot in Aix and Archival Sources for France Outre-Mer // *French Historical Studies*. 1969. Vol. 6. No. 1. Pp. 120-126.

¹⁵⁷ Приказы генерала М. Д. Скобелева (1876-1882). Санкт-Петербург, 1882; частично воспроизведены в: Военный сборник. 1915. №№. 1, 6; Д. И. Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу. Санкт-Петербург, 1868; И. И. Иванов. Описание зимнего похода в Хиву 1839-1840. Выступление Оренбургского отряда в ноябре 1839 г. Санкт-Петербург, 1873; Н. И. Гродеков. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг. Санкт-Петербург, 1883-1884; Idem. Хивинский поход 1873 г. Действия кавказских отрядов. Санкт-Петербург, 1888; А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. Санкт-Петербург, 1890; Ф. И. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и военно-дипломатическом отношении. Дополнительные материалы для истории Хивинского похода 1863 г. (из официальных источников). Санкт-Петербург, 1900; К. К. Абаза. Завоевание Туркестана. Санкт-Петербург, 1902; М. И. Венюков. Поступательное движение России в Средней Азии // Сборник государственных знаний. Санкт-Петербург, 1877. Т. 3. С. 58-106 (также в: Русская мысль. 1877. № 1. С. 214-215); Н. [Я.]. Коншин. Материалы для истории Степного края. Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1900; И. Залесов.

лярно история завоевания всплывала в связи с подготовкой туркестанских выставок (начиная с Политехнической выставки 1872 года) и музейных экспозиций, в частности в Туркестанском музее.¹⁵⁸

Тем не менее идея собрать воедино всю архивную документацию, поэтапно отражающую российское завоевание Средней Азии, родилась относительно поздно как реакция на пожелание военного министра Алексея Николаевича Куропаткина (1848-1925), высказанное в 1901 году во время его визита в Ташкент. Выявление материалов, касающихся завоевания Туркестана в архивах России и Средней Азии,¹⁵⁹ туркестанский генерал-губернатор Николай Александрович Иванов (генерал-губернатор в 1901-1904 годах) поручил военному инженеру, подполковнику Андриану Григорьевичу Серебренникову (1863-1919), бывшему в это время начальником Семиреченской инженерной дистанции в Верном. Серебряков был известен как автор военно-исторических и военно-топографических работ о Средней Азии.¹⁶⁰

Осевшие в административных архивах или собранные в отдельных изданиях, разбросанные по страницам многочисленной газетной и журнальной периодики или сгруппированные в *Туркестанском сбор-*

Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военное обозрение. 1861. Т. XXVI. № 11. С. 41-92; Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства // Записки Русского географического общества. 1851. Кн. 5. С. 62-153; Н. Игнатъев. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Игнатъева. Санкт-Петербург, 1897. Цит. по Л. Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова и его значение для среднеазиатской историографии. Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1963. С. 4-5, 98. Основные идеи диссертации Л. Р. Мирзаевой были опубликованы: Л. Р. Мирзаева. Об одном ценном источнике по истории Средней Азии XIX века // Научные работы и сообщения АН УзССР, Отделение общественных наук. Кн. 1. Ташкент, 1960. С. 95-102.

¹⁵⁸ Так, в 1903 году в который раз обсуждался вопрос о создании военно-исторического отдела при ташкентском музее, с целью чего были заказаны специальные манекены: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 359. Л. 24об.

¹⁵⁹ А. Г. Серебренников. Предисловие // Сборник материалов для истории его завоевания, 1864 год. Ч. 2. Ташкент, 1914. С. 1.

¹⁶⁰ А. Г. Серебренников. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и исторических материалов по Азии. 1895. Вып. 70. С. 1-52; Idem. Очерк Памира // Военный сборник. 1899. № 6. С. 432-444; № 7. С. 219-236; № 8. С. 442-446; № 9. С. 212-226; № 10. С. 447-466; Idem. К истории Кокандского похода // Военный сборник. [1899?]. № 9. С. 5-28; Idem. Памир и памирские ханства (Военно-географический и топографический очерк) // Инженерный журнал. 1894. № 11-12. С. 1539-1554. Цит. частично по Л. Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова. С. 8. См. также его биографию: Eadem. С. 9-10.

нике среди массы другой информации, эти документы, по мнению российской политической элиты, не выполняли своей главной задачи – прославления русского оружия. Ситуацию должен был исправить специальный сборник документов А. Г. Серебренникова под названием *Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания* (Ташкент, 1908-1915).¹⁶¹ Как можно понять из предисловия составителя к опубликованным томам сборника,¹⁶² напоминание об успехах царской армии в Азии могло укрепить пошатнувшиеся к началу XX века геополитические позиции России в мире, что стало особенно актуальным после ее поражения в русско-японской войне 1905 года (к тому моменту архивная часть работы Серебренникова уже была закончена):

Военные действия по завоеванию Туркестанского края занимают немало славных страниц в летописях нашего боевого прошлого, и ими по справедливости может гордиться наша армия, в особенности же туркестанские войска. Являясь блестящим примером того, как с ничтожными средствами можно достигнуть громадных результатов, эти военные действия вполне заслуживают, чтобы на изучение их было посвящено возможно более внимания и чтобы благодаря этому не пропали даром уроки прошлого, опираясь на твердое знание которых можно было бы и в будущем принимать в каждом отдельном случае соответствующее решение. С этой точки зрения изучение военных действий по завоеванию Туркестанского края имеет особенное значение, и составление истории завоевания края является, безусловно, делом крайне необходимым, имеющим не только теоретический интерес, но и практическое значение первостепенной важности.¹⁶³

Вне всякого сомнения, на пороге XX века “славная” история завоевания Туркестана привлекала не столько администраторов края (споры о его “рентабельности” уже отошли в прошлое), сколько тех, кто размышлял о стратегиях колонизации Дальнего Востока (в частности Маньчжурии), а позднее – Восточной Европы и Малой Азии. Появив-

¹⁶¹ Первые четыре тома выходили под названием *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края*. Неопубликованные его тома хранятся в ЦГА РУз под названием *Подготовительные материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в различных архивах полковником Серебренниковым*. Ф. И-715. Оп. 1. 74 дела.

¹⁶² Все тома были предварены идентичным предисловием.

¹⁶³ А. Г. Серебренников. Предисловие. С. 1.

шийся на первых четырех изданных томах в 1908-1913 годах гриф секретности “Не подлежит оглашению” входил в некоторое противоречие с изначальным назначением сборника и впоследствии был убран.¹⁶⁴

Несмотря на документальный жанр, работа Серебренникова отличалась от предшествующих образцов туркестанских коллекций, поскольку не была фиксацией универсального знания вообще, не создавала пропагандистский глянцевоый образ русского Туркестана и не отражала военно-народную систему управления. Это была, прежде всего, историческая публикация, реконструировавшая события полувековой давности. Собственно архивные исследования велись Серебренниковым и прикомандированными к нему офицерами на протяжении четырех лет (1901-1905).¹⁶⁵ Группа работала в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Оренбурга, Верного, Ташкента и Тифлиса.¹⁶⁶ Собранные документы включали рапорты и записки по всевозможным вопросам, переписку представителей русских правящих кругов с колониальной администрацией и представителями среднеазиатских

¹⁶⁴ Первый том, вышедший в 1908 году, включал в себя документы за 1839 год; второй и третий тома, объединявшие соответственно документы за 1840 год и 1841 годы, увидели свет в 1912 году; четвертый, освещающий события 1842-1843 годов, появился в 1914 году. Остается открытым вопрос, возможно ли связать последнюю серию переговоров по уточнению русско-афганской границы 1907 года и наличие этого грифа “секретно” на первых томах, в документах которых Индия часто упоминается как конечный пункт русской экспансии в сторону Средней Азии. Сам А. Г. Серебренников писал: “Имеющаяся на некоторых томах надпись ‘не подлежит оглашению’ свидетельствует, что данная книга не предназначена для пользования широкой публикой. Эта надпись сделана по соображениям, которые не зависели от составителя сборника и распространяться о которых здесь не представляется удобным”. А. Г. Серебренников. Предисловие. С. 2.

¹⁶⁵ В их числе были, в частности, поручик Алексеев и штабс-капитан Соболев: Л. Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова. С. 11.

¹⁶⁶ А. Г. Серебренников. Предисловие. С. 1. Как пишет Л. Мирзаева, Серебренниковым “были обследованы следующие архивы: в Ташкенте – Туркестанский окружной архив и фонд канцелярии туркестанского генерал-губернатора; в Верном – фонд Управления Верненского уездного начальника и Верненского уездного управления, фонды Штаба войск Семиреченской области; в Оренбурге – фонд Штаба Оренбургского военного округа и Оренбургского отдельного корпуса; в Омске – фонды штаба Сибирского военного округа и Сибирского отдельного корпуса; в Москве – фонд московского отделения Архива Главного штаба. Основная же работа была проделана в Петербурге, где Серебренников работал в архивах: Министерства иностранных дел, канцеляриях Военного и Морского Министерства, Главного инженерного управления, Военно-учетном архиве, общем архиве Главного штаба”. Л. Мирзаева. Сборник “Туркестанский край” А. Г. Серебренникова. С. 8-9.

ханств, официальные и секретные инструкции для дипломатических, военных и торговых миссий, их отчеты, донесения шпионов и лазутчиков, проекты русского наступления, прогнозы развития торговли, анализы британской угрозы.¹⁶⁷ Собранные в хронологическом порядке, эти документы, согласно высказанному пожеланию генерал-губернатора Н. А. Иванова, освещали самые ранние этапы российской колонизации Средней Азии, точнее историю её военного захвата, начиная с 1839 года, отмеченного неудачным походом Перовского в Хиву, и до 1876 года, когда было завоевано Кокандское ханство. Документы не касались последующего расширения Туркестанского генерал-губернаторства, продолжавшегося вплоть до 1885 года: присоединение туркменской периферии, взятие Кушки и захват Памира оставались за рамками компиляции. Но даже в таком урезанном виде *Туркестанский край* являлся классическим образцом военной истории, сочетавшим ретроспективную реконструкцию и рефлексию. И в этом виде он абсолютно гармонично вписывался в имперскую парадигму России начала XX века. 74 тома содержали сведения не только о Туркестане, но и об Афганистане, Иране, Китае, Кашгаре, Памире и Тибете.

Сборник Серебренникова встал в один ряд с *Туркестанским сборником* как крупнейший проект колониальных архивов Туркестана. Но, в отличие от *Туркестанского сборника*, *Сборник* Серебренникова создавался не библиографами-профессионалами, а военными. В предисловии к *Сборнику* оговаривалось, что все опубликованные документы являются точными копиями оригиналов,¹⁶⁸ однако детально изучавшие публикацию советские исследователи отметили некоторые погрешности, природа которых не может быть объяснена только лишь невнимательностью или непрофессионализмом составителей. Вполне возможно, что эти "неточности" возникали под влиянием уже сформированного ретроспективного взгляда на военные события недавних лет:

многие интересные с исторической точки зрения резолюции, пометки и надписи на документах опускались..., очень часто резолюции воспроизводились без подписи... много опечаток, неверные и неточные даты, неправильно написанные собственные име-

¹⁶⁷ В диссертации Л. Мирзаевой представлен подробный обзор имеющихся документов по следующим темам: отношения России и Средней Азии, русское завоевание, а также суммарное описание неопубликованных томов сборника: Там же. С. 193-215.

¹⁶⁸ А. Г. Серебренников. Предисловие. С. 2.

на, [купюры в текстах с оговоркой, что] сведения эти не имеют интереса и здесь не приводятся.¹⁶⁹

Помимо этого, издать проект в полном объеме не удалось, хотя он был закончен. Издание растянулось с 1908 до 1915 года. 74 собранных книги с рукописной и машинописной документацией должны были выйти в 30 томах, в каждом томе – от двух до трех книг. Однако напечатали только 12 томов, и в 1915 году издание прекратилось из-за отсутствия средств. Оставшиеся подготовленные 52 книги – с 14 по 27 и с 34 по 67 (некоторые тома иногда были составлены из трех книг) – так и не увидели свет и в настоящее время хранятся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан.¹⁷⁰ Как это нередко случалось с грандиозными колониальными проектами русского Туркестана, на них просто не хватало средств.

Отмеченный впервые в библиографии В. Д. Городецкого,¹⁷¹ *Сборник* привлек к себе внимание благодаря публикациям В. В. Бартольда. Ученый настаивал на необходимости выпустить все тома, составить к ним указатели и доставить *Сборник* в петроградские книгохранилища.¹⁷² Не получив столь широкого резонанса, как *Туркестанский сборник*, материалы *Туркестанского края* Серебренникова (как опубликованные, так и архивные тома) все же достаточно широко привлекались исследователями.¹⁷³ Интерес к ним совпал по времени с рождением теории "наименьшего зла", легитимировавшей в советском контексте использование дореволюционных колониальных архивных коллекций.

¹⁶⁹ Е. Н. Кушева. Об одной дореволюционной публикации документов по истории Средней Азии // Проблемы источниковедения. 1940. Вып. 3. С. 413; Л. Мирзаева. Сборник "Туркестанский край" А. Г. Серебренникова. С. 11, 17.

¹⁷⁰ В 1908-1913 годах вышли первые четыре тома под заглавием *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края*, в котором под грифом "секретно" были собраны документы за 1839-1843 гг.; в 1914 году под названием *Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания* были выпущены тома с 5-го по 8-й (1844-1852 гг.) и с 17-го по 20-й (1864-1865 гг.); в 1915 г. вышли 21-22 тома (1866 г.).

¹⁷¹ В. Д. Городецкий. Библиография по Туркестану. Ташкент, 1913. С. 44. Цит. по: Л. Мирзаева. Сборник "Туркестанский край" А. Г. Серебренникова.

¹⁷² В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года // Сочинения. Москва, 1973. Т. 8. С. 338; Idem. О командировке в Туркестан. Август-декабрь 1920 года // Там же. Т. 8. С. 370-371; Idem. Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать // Там же. Т. 9. 1977. С. 558-559; Idem. История изучения Востока в Европе и России // Там же. Т. 9. 1977. С. 447-448.

¹⁷³ Л. Мирзаева. Сборник "Туркестанский край" А. Г. Серебренникова. С. 18-24.

Заключение

Отдавая должное исследователям XIX-XX вв., которые работали с колониальными архивами России и характеризовали их как “полные”, “всеохватывающие”, “всеобъемлющие” и т.д., сегодняшнее поколение исследователей вправе задаться вопросом о степени селективности этих архивных коллекций, о специфике взглядов их заказчиков и составителей, повлиявшей на отбор документов. В этом отношении российские колониальные архивы вполне сопоставимы с проектами колониального знания других крупных европейских держав, хотя отдельные памятники, как, например, *Туркестанский сборник*, не имеют европейских аналогов. Вместе с тем, анализ четырех различных коллекций позволяет увидеть особенности специфического “языка” русского колониализма в Туркестане, отличающие его от французского или британского образцов (на уровне мотиваций, обеспеченности финансовыми ресурсами, представлений о “Другом”, практик демаркации различий и т.д.).

Представляя из себя симбиоз колониального знания и колониальной власти, эти архивы отражали имперскую ситуацию российского колониального Туркестана, как она оценивалась российскими военными, политической или торговой элитами, колониальной администрацией, переселенцами, российскими и западными путешественниками и исследователями. Именно присутствие точки зрения субъектов вырабатываемого знания, а не само по себе наличие “ориентального” объекта позволяет классифицировать эти архивы как колониальные. Образ местного населения, формируемый этими архивами, изначально выстраивается на субъективных оценках власть предержащих, в основе которых лежит смесь идеологических клише со слухами, фантазиями, страхами и сомнениями. Голос так называемых “туземцев” – большей частью анонимных объектов колониальной администрации – не слышен иначе, как через посредство переводчика и исключительно в контексте, задаваемом колониальной администрацией. В частности, при работе с архивами ЦГА РУз большие проблемы возникают уже на уровне транслитерации имен собственных, как правило, зарегистрированных небрежно и в русифицированной форме. Азиатские жители писали свои многочисленные письма, официальные послания и петиции с целью быть услышанными колониальными властями, что обуславливало использование ими русской (европейской) риторики, адаптацию понятий и ситуаций к восприятию колонизаторов и приня-

тие существующего распределения ролей – властителей и подчиненных, просителей и вершителей судеб. Редкие русскоязычные статьи в местной прессе, написанные местными жителями – как правило, представителями интеллектуальной или торговой элит, кооптированными российской колониальной администрацией, – так же пронизаны реалиями колониальной ситуации. Более мягкая цензура ограничивала свободу выражения в прессе на местных языках. Возможности перехода объекта ориенталистского знания на позиции его субъекта были крайне ограниченными и принципиально детерминированными принятием “местным азиатским населением” языка “современного знания” и отказом от мифопоэтического мышления. Иная логика существования, предполагавшая несколько большую свободу (даже в контексте осознанной оппозиции режиму), оказывалась возможной только вне официальной общественной жизни российского Туркестана, на уровне частных отношений или контактов с зарубежными восточными соседями.¹⁷⁴

Вместе с тем, кодифицируя колониальную ситуацию на разных уровнях и формируя многогранный блок документации в форме коллекций, карт, документов, фотографий, статистических обзоров и публикаций, российская колониальная администрация не только обеспечивала себе контроль над информацией и производством знания, но и трансформировала завоеванное пространство, присваивая его, конструируя желаемый образ. Мир этих созданных Россией репрезентаций не был нейтрален. Современные специалисты по технологиям власти согласны, что собирание информации и выработка на ее

¹⁷⁴ См. в частности, анализ этого типа источников, представляющих точку зрения колонизованных: Anke von Kügelgen, Michael Kemper, Dmitriy Yermakov (Eds.). *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries*. Vol. 1-4. Berlin, 1996-2004; Jo-Ann Gross. *Historical Memory, Cultural Identity, and Change: Mirza ‘Abd al-‘Aziz Sami’s Representation of the Russian Conquest of Bukhara* // Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini (Eds.). *Russia’s Orient: Imperial Borderlands and Peoples*. Pp. 203-226; Adeeb Khalid. *Representations of Russia in Central Asian Jadid Discourse* // Ibid. Pp. 188-202; Idem. *The Politics of Muslim Cultural Reform*; Aftandil Erkinov. *Praying For and Against the Tsar*; Bakhtijar Babadzhanov. *Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals* // Beat Eschment and Hans Harder (Eds.). *Looking at the Coloniser*. Pp. 75-91; Stephane A. Dudoignon, Hisao Komatsu and Kosugi Yasushi. *Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation, Communication*. London, New York, 2006; Hisao Komatsu. *Dâr al-Islâm under Russian Rule as Understood by Turkestani Muslim Intellectuals* // Uyama Tomohiko (Ed.). *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia*. Pp. 3-21.

основе ангажированных репрезентаций – важнейший ресурс для трансформации и структурирования социальных систем. На конкретных примерах исследователи показали зависимость между актами коллекционирования и структурирования информации и манипуляцией знанием, которое, согласно известной сентенции, есть не что иное как власть.¹⁷⁵

Наряду с трансформацией настоящего колониальные власти Туркестана структурировали будущее, предлагая готовые рецепты написания истории российского присутствия в Туркестане. Вне всяких сомнений, на уровне фактографического представления событий российские архивы колониального Туркестана сохраняют свое значение первоисточника. Они формируют фактическую (и хорошо иллюстрированную) основу “национально-русского” исторического нарратива туркестанского генерал-губернаторства: завоевание Средней Азии, устройство и колонизация края, трансформация экономики, административное управление, взаимоотношения россиян с местным населением, изучение различных аспектов природы и культуры Туркестана... Вместе с тем, на уровне интерпретации документов из колониальных архивов исследовательская работа должна вестись с чрезвычайно нюансированных позиций. По сути, исторические реконструкции на основе этих архивов, бывших идеологическими инструментами системы управления, ставят вопрос о научности и историчности наших исследовательских подходов. Любой артефакт, будь то подлинный документ канцелярии туркестанского генерал-губернатора, статистические выкладки или газетные публикации, не является абсолютно нейтральным и “объективным”. Он не может оцениваться как некое “открытие”, абсолютное доказательство чего-либо, позволяющее дать “объективную оценку” событиям прошлого (как следует из утвердившейся в СССР и сохраняющей влияние до сего дня историко-ведческой формулы). Несмотря на кажущуюся полноту колониальных архивов, они представляют собой результат отбора и потому требуют от исследователя осторожной интерпретации с учетом тех политических и социальных условий, в которых эти архивы были сформированы.¹⁷⁶ Нельзя забывать, что любой исторический анализ также

является не более как выборкой и, в идеале, осторожной интерпретацией современного исследователя. И если “объективность” недостижима, то возможность создания многогранных и нюансированных исторических реконструкций вполне реальна. Подобные реконструкции предполагают поиск дополнительных источников, по возможности освещающих события с иной точки зрения (применительно к российскому колониальному Туркестану это могут быть документы, вышедшие из-под пера среднеазиатских жителей или же западных обозревателей). С учетом невозможности идеально точных, абсолютно правдивых и объективных исторических реконструкций единственным путем, позволяющим использовать все доступное нам богатство колониальных архивов, является совмещение перспектив авторов разных субъективных документов из различных по типу архивов и их острая интерпретация.

SUMMARY

Taking the analysis of colonial archives of British India by Bernard S. Cohn as a point of departure, the present article is an attempt to explore in the same analytical framework the colonial archives of Russian Turkestan. The article is based on the comparison of four case-types of archives that were represented in the collections of published materials, published documents and photographs. These archives are *The Turkestan Collection* by V. I. Mezhov (1867-1916), *The Turkestan Album* by A. L. Kun (1871-1872), the archives of the Turkestan General-Governor's office (1873-1917) and the collection *The Turkestan Region* by A. G. Serebrennikov (1901-1915). These archives are variegated forms of “colonial knowledge,” they differ in terms of provenance and functionality and represent four different aspects of Russian colonial rule over Central Asia. The archives demonstrate the difference in the language of coloniality and ways of representing colonial objects. The first case is an ambitious project of cataloguing the whole corpus of rational knowledge that was created in the West and in the Russian Empire, and was focused on the region in question. The second case is the construction by the colonial administration of a glamorous representation of Russian Turkestan for exportation and consumption abroad. The third case is a monologue of the imperial voice represented in the documents of day-to-day administration of the system of indigenized military rule. The fourth case is the historical reconstruction of the initial phases of the conquest of Central Asia. The comparison of these archival corpuses of

¹⁷⁵ Benedict Anderson. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London and New York, 1991. P. 164.

¹⁷⁶ Martin Johnes. *Archives, Truths and the Historian at Work: A Reply to Douglas Booth's "Refiguring the Archive"*// *Sport in History*. 2007. Vol. 27. No. 1. Pp. 127-135.

С. Горшенина, *Крупнейшие проекты колониальных архивов России...*

knowledge allows a more adequate reconstruction of the specifics of the colonial situation in Russian Turkestan. The history of the formation of these archival complexes also allows a trace of the architecture and technology of power, as well as the peculiar features of the role of power-knowledge in the context of the Russian Empire. The article concludes with the answer to the question of why these archives should be understood as colonial, and the analytical framework that should be used for writing the history of these archives.